

ШАМИЛЬ
ИДИАТУЛЛИН

ЗА СТАРШЕГО

РЕШ: страшно интересно

Шамиль Идиатуллин
За старшего

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Идиатуллин Ш. Ш.

За старшего / Ш. Ш. Идиатуллин — «Издательство АСТ»,
2013 — (РЕШ: страшно интересно)

ISBN 978-5-17-158085-8

Шамиль Идиатуллин – прозаик и журналист, дважды лауреат премии «Большая книга» – мастер самых разных жанров: автор реалистических романов «Город Брежнев» и «Бывшая Ленина», триллеров «Убыр» и «До февраля», этнофэнтези «Последнее время», романа «Возвращение “Пионера”» и сборника «Всё как у людей» (последние два – просто фантастика). Сотрудник Службы внешней разведки должен срочно найти данные о новейшей американской технологии. Менеджер компании, работающей над этой технологией, должен срочно получить заказ Пентагона. Владелец российского военного завода, разрабатывающего аналогичную технологию, должен сесть в тюрьму за убийство, которого не совершал. Друг жертвы, офицер Следственного комитета, должен найти настоящих преступников. И помочь всем, кто должен, может лишь один человек. Которого, в принципе, не существует. И который никому ничего вроде и не был должен. Пока не остался за старшего.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158085-8

© Идиатуллин Ш. Ш., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Пролог	7
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	24
Часть вторая	29
Глава 1	29
Глава 2	34
Глава 3	40
Глава 4	44
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Шамиль Идиатуллин

За старшего

© Идиатуллин Ш.Ш

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Шамиль Идиатуллин
ЗА СТАРШЕГО
Роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

Пролог

Сочи

8–14 октября

Юлия Большакова

Началось всё скверно, а кончилось быстро.

Артем всегда был с подзаскоками, но обычно это не слишком бросалось в глаза – а может, он как-то сдерживался. В Сочи сдерживаться перестал. Сразу.

Юля терпела два дня. В конце концов, Артем действительно долго ждал этого отпуска. Артем действительно много высадил за путевки и билеты – даже Испания была бы, наверное, дешевле, но страстно хотелось посмотреть, впрямь ли Сочи стал таким сказочным, модным и правильным местом, как трубят со всех сторон. Артем действительно угадал: Сочи стал, может, не самым правильным, но довольно приятным местом. И Артем действительно был милым и добрым парнем. До поры.

А потом достал.

Юля просто попросила его малость сбавить обороты – например, не пить хотя бы днем. Артем возмутился, начал выяснять, это он алкаш получается, что ли, – но быстро утих и пообещал. Вернее, не пообещал, но сказал, что ладно-ладно, не дергайся, больше не буду, иди сюда. Сказал – а он мужик ведь.

Оказалось, не мужик.

За обедом сразу потребовал бокал пива. Юля сдержалась. Лучше тогда уж пиво. Оказалось, не лучше. Высосал бокал в два приема, виновато покосился на Юлю и затребовал еще бокал. Юля зашевелилась, но снова смолчала. Может, зря. А может, и не зря.

Артем добил пиво еще до горячего, крикнул, не стирая пенные усы, прицельно осмотрел отбивную, сказал: «Ну, это без водочки совсем нельзя» – и позвал официантку.

– Артем, не надо, – сказала Юля.

– Молчи, – посоветовал Артем и крикнул: – Девушка, обратите уже на меня высочайшее внимание!

– Ты обещал.

– Слышь, не начинай, – предупредил Артем, повернувшись к ней напряженным лицом с пенным следом, очень подходящим к белобрысой челке и очень противным. Губы у Артема надулись. Юлю всегда это забавляло и казалось милым. Теперь хотелось смазать по этим губам чем-нибудь мягким. Или не мягким.

Юля закрыла глаза, чтобы не видеть ни пены, ни губ, ни любопытных за соседними столиками, и сказала на последних остатках выдержки:

– Артем, пожалуйста. Я сейчас уйду. И...

– И что?

– И всё, – сказала Юля, открывая глаза, чтобы увидеть, какую мерзкую рожу, оказывается, скорчил Артем. Видимо, ее передразнивал.

Артем пожал плечами и громко пропел, размахивая задранной рукой:

– Де-вуш-ка-а! Я ту-ут!

Юля со скрежетом отодвинула стул и пошла прочь.

Вслед смотрели – кажется, все, кроме Артема. Артем беседовал с официанткой.

Надо было сразу улететь, но билетов не было. Вообще. Бархатный сезон.

На втором часу дозвонившись Юля сдалась и пошла на ресепшн просить о размене номера. Она ждала отпуска не меньше – и имела право на отдых, море и солнце. Пусть этот козлина квасит, а мы будем вялиться и отмокать.

Размен – хорошее слово, подумала Юля почти весело. И разбег – тоже: быстрое и с перспективой. Куда лучше, чем развод. Как хорошо, что я не замужем.

К счастью, Юля взяла с собой деньги – хотя мама говорила: «Не выпендривайся, пусть кавалер платит, ты за ним как за стеной». Застенчивая такая, ага.

Деньги не помогли – прилизанная девушка на ресепшен знай разводила руками и талдычила: «Извините, мест нет, совершенно», гадина. Ну, не гадина – прилиза честно шарила в компьютере, перебирала карточки и звонила куда-то, даже предлагала варианты в братских отелях и пансионатах. Чтобы снова убитым голосом извиниться и сказать, что ой, оказывается, уже нет. Юля делала вид, что впадает в истерику – а может, и впрямь была готова в нее впасть, не чувствуя ничего, кроме тупого изнеможения. Хотелось сесть на чемодан, а то и лечь рядом с ним, спиной к залитой солнцем веранде отеля, чтобы не видеть и не слышать неуместно счастливого моря. Лечь и уснуть – и пусть сами дальше придумывают, что с нею делать и куда девать. Вот прямо сейчас лягу, и пусть силой поднимают.

Прилиза спросила: «Может, такси вызвать?» – и тут же поспешно добавила: «Или вы чуть позже подойдете?». Юля с ненавистью подумала сперва «Обойдусь», потом – «Не дождешься», а потом – «А гори оно всё». Отвезла чемодан к креслам в прохладном углу лобби и села, основательно и удобно. Буду здесь жить. И плевать – пусть выгоняют, орут и над ухом жужжат. Настоячиво так.

Что такое?

– Как вы на это смотрите? – прожужжали над ухом. Нет, все-таки спросили. Мужской голос, красивый и ненавязчивый, хоть вроде уже давно звучит.

Узнаешь сейчас, как я смотрю, злобно подумала Юля, поднимая глаза на докучливого. Докучливый был даже красивей голоса, рослый, в соку и по-столичному ухоженный: мускулы, осанка, прическа. И улыбка, конечно. Чего лыбишься-то, красавца?

Красавца, оказывается, ждал ответа на вопрос. И Юля, оказывается, сама от себя давно уже ждала ответа – пока лихорадочно отматывала проскочившую мимо головы речь, вдумывалась и яростно искала подвоха. Потому что не бывает так. Вот бесплатный сыр бывает – известно где.

Она улыбнулась и вежливо сказала:

– У меня деньги есть.

– Ну отлично, – обрадовался красавца. – Компотиком за меня проставитесь. А то мои орлы на сухую ужас какие строптивые.

Все бы такими строптивыми были.

Орлы оказались мечтой библиотекарши: симпатичные, умелые, спокойные и остроумные. Валера, Валерий Николаевич, был у них звеньевым, сам так сказал, а Эдик, Слава и Миша составляли, опять же по словам Валеры, «звездочку неполной комплектации». Они приехали в Сочи не за свои, а от какого-то небедного предприятия – «это называется соцпакет с человеческим лицом», объяснил позже Эдик. Должны были приехать всей «звездочкой», поэтому заказали и оплатили три номера, одноместный и две двушки – но почему-то случился недокомплект, так что Миша жил в двушке один. И Валера, услышав про Юлины неприятности, согласился отдать свой номер ей, а сам переехал к Мише. Потом-то Юля, придя в себя и набравшись смелости, допытывалась, со всеми ли они такие благородные, и не проще ли было сдать номер в обмен на деньги. Ну и сама деньги совать пыталась, конечно. Эдик принялся ржать и поперх-

нулся компотом, Слава с Мишей быстренько ушли к пирсу, а Валера посмотрел, как умеет. Юля и заткнулась.

Сперва она ждала, что ребята попробуют стряхнуть с нее долг, как говаривала Людка, немонетарными методами. Пусть только рискнут, я им устрою, думала Юля, с каждым днем всё более остро и томно. Не дождавшись ничего, заподозрила, что ребята не по женской части мастера, как в столицах принято, – и приуныла. Нормальный человек поменяет разве съют на подселение? Но через денек подозрение развеялось так, что Юля чуть глаза этим шлюшкам не выдрала – с чего бы, казалось. Но ограничилась тем, что ушла в номер пораньше. И без нее комплект образовался.

В любом случае Валера вернулся в свой номер через полчаса и вроде не в помаде. Юля, наблюдавшая из ближней беседки, успокоилась, обругала себя последними словами и решила, что пусть будет как будет.

А ничего и не было.

То есть был отличный отдых в прекрасной ни на что не претендующей компании. Были купание, прыжки, нырки и две обалденных вылазки на природу, не подпорченные даже новой Мишкиной подружкой, которую он после первого салатика увел под ироничные взгляды товарищей и привел к куриным крылышкам в таком виде, что Юле стало неудобно и малость завидно. Было свежее до сладкой оторопи море под улыбчивым солнцем. Артем тоже был – где-то в районе горизонта. Сперва попадался навстречу, выгуливая то одну, то другую смехотворную барышню. Потом подкатил с извинениями и объяснениями. Юля его осмотрела, сказала: «Молодец, что не пьешь» – и пошла дальше, не слушая, что он там шипит вслед.

Ее ждал шахматный дэдматч, объявленный Эдиком.

Дэдматча, впрочем, не получилось. Валера от участия уклонился. Мишка убежал окучивать очередную рыженькую – Юля опасалась, что очень разнообразно окучивать, вазелина им и взаимного уважения. Сама Юля продержалась в режиме одновременной игры минут пять, хотя и полагала себя неплохой шахматисткой, в детстве год занималась. Впрочем, Эдику проигрывать было не обидно, наблюдать за тем, как он сокрушительно обувает Славику, смешно, а вести при этом умные беседы с Валерой – дико приятно. Даже на щекотливые темы.

– Юленька, вы знаете, что такое дуализм? Ну, инь-ян, лед и пламень?

– Проходили, – спокойно сказала Юля.

– О, до сих пор проходят, значит? Вячеслав Евгеньевич, слышите?

– Босс!.. – умоляюще сказал Слава, не отрывая взгляда от доски.

А сидевший напротив Эдик, подмигнув Юле, сказал:

– Отвлекай, отвлекай его! Мне еще ферзя с доски стырить надо.

– Ферзя, – протянул Слава значительно, качнулся и повторил другим тоном: – Ферзя. Ой, ферзя...

– Заметил, – трагическим шепотом сообщил Эдик. – А я думал, не заметил. А он у нас снайпер, всё...

Валера махнул на них рукой и сказал сильно и низко, так что у Юли натянулось что-то посреди организма:

– Так вот, Юленька, дуализм вы проходите не зря. Есть мужчина и женщина – отсюда жизнь, так?

Юля пожала плечами, стараясь не краснеть и вопя на себя так, что голове тесно стало: что как дура-то, не плыви, не лыбься, у тебя клык кривой, спокойно сиди! Без толку. Ладно, он всё равно видит насквозь – ну и пускай видит. Юля постаралась расслабиться и даже улыбнуться, испугалась, что это может оказаться совсем невпопад, и от отчаяния услышала лишь завершение фразы:

– ...Труд и отдых тоже. Отсюда мораль: не путай отдыхающего человека с работающим. Это здесь я пьяное быдло в караоке, а дома я ответственный слесарь шестого разряда, примерный и партийный. Так что на своего – Артема, так? – ты, пожалуйста...

– Да уж, вы точно пьяное быдло, – быстро согласилась Юля и захихикала, кажется, слишком громко, но никто вроде не заметил.

– Я-то как раз нет, а вот Эдик... – невозмутимо начал Валера, а всё видящий и слышащий Эдик так же невозмутимо перебил:

– Босс, завидовать нехорошо. Если тебе медведь не только на ухо, но и на печень...

– Шах! – воскликнул Слава, и Эдик тут же прервался, задрал палец и сказал:

– О!

– Чего такое? – забеспокоился Слава.

Эдик ласково пропел:

– Сюда смотрим... Руки убираем, на коленочки, так, молодчинка... Смотрим, да?

– Смотрим, смотрим, – буркнул Слава.

– Ну вот: это был шах, да? А теперь мы вот так пешечкой, да? Нет шаха, да? И ваш ход, да?

– Ха, – сказал Слава с презрением, протягивая руку к доске. Рука повисла в воздухе, поднялась к голове и вцепилась в воронье гнездо, полчаса назад бывшее клевой прической. – Ой ты бли-и-ин.

– Что такое? – всполошился Эдик, подмигивая Юле. – Голова болит?

Юля захихикала. Валера, усмехнувшись, сказал:

– И так каждый день. Господа шахиншахи, идемте уже на пляж. Солнце садится.

Шахиншахи кивнули с разной степенью готовности. Слава тут же с облегчением откинулся на спинку грозно сыгравшего назад кресла и томно протянул:

– Мне скучно, босс.

И тут у Валеры запел телефон.

Юля встала, поправляя платье, и прислонилась к перилам, щурясь от лучиков, которыми море протыкало листву. В разговор Юля не вслушивалась – тем более что он был невнятен и плохо слышен, хотя Валера, кажется, не таился. Но она ведь не глухая.

Юля хотела спросить сразу, едва Валера завершил разговор и аккуратно положил телефон на столик, но решила подождать. Нельзя сбивать человека с мысли – а Валера что-то обдумывал. И Эдик со Славой молча смотрели на него, будто команды ждали.

Дождались.

– Всё, ребят, кончился отпуск. Вызывают.

– Из цикла «Отдохнули», – сказал Слава.

Эдик с грохотом смахнул оставшиеся фигуры с доски и принялся складывать их в коробку.

– А куда? – спросил Слава.

– Ну чего мы Юлю грузить будем, – сказал Валера и продолжил, повернувшись к Юле и так нежно, что у нее внутри пусто стало: – Юленька, прости, но наш дуализм, похоже, иссякает. Труба зовет...

– А не факт, кстати, – выпалила Юля.

Валера поднял бровь. Юля сообразила, что он может неправильно ее понять, и торопливо объяснила:

– Вы же в Чулманск едете, так? Вы «Байтаково» сказали – это же чулманский аэропорт. А я как раз...

Валера переглянулся с ребятами. Юле стало смешно, и она продолжила:

– А Сабирзян Минеевич – это ж мой начальник, тут уж не совпадение, таких сочетаний и не бывает больше. Его новички-идиоты Обезьян Минетовичем зовут, но он хороший дядька, хоть и олигарх почти.

– Начальник? – уточнил Валера.

– Ну, не прямой, но всё равно – я ж в «Потребтехнике» работаю, в отделе кадров, а он генерал и, ну, хозяин. Вот.

– Вот, – повторил Валера и уверенно продолжил: – Вот так же не бывает.

– Хотите, пропуск принесу? В дирекцию, с подписью Сабирзян Минеевича? В номере лежит. Я сейчас.

– Стоп, – скомандовал Валера и снова посмотрел на ребят.

Юля обернулась было к ним, но Валера уже, кажется, пришел в себя.

– Слушай, и действительно – забавно как получается. Я, главное, недоумеваю, что за Чулманск, как туда ехать – а тут у нас живой гид, оказывается. Ну, Юль, мы вас пораспрашиваем тогда перед отъездом – я вот только служебное задание уточню, а то пока едем как царевичи, за тем – не знаю чем. Слав, ты давай билетами...

– А давайте я вместе с вами поеду! – неожиданно для себя выпалила Юля, ужаснулась и тут же загорелась идеей. – В самом деле, давайте, а?

– Ну как... – неуверенно сказал Валера, не успевавший за полетом Юлиной мысли.

– Ну так: у меня ж три дня осталось, это ерунда, я всё равно улететь раньше хотела, да билетов не было. А вы если четыре достанете, то и пять сможете, так? А я вам за это всё расскажу, и покажу, и проведу, и познакомлю со всеми! – вдохновенно протараторила Юля, улетая в мечты о том, что она сможет показать, с кем и по какому поводу познакомить – да и мало ли куда улетают девичьи мечты, пока девица болтает.

И Валера согласился. Принял решение – и начал его выполнять. По-мужски.

Он сказал:

– Хорошо. Только, Юль, есть у нас еще одно дело. Может, прогуляемся?

– Куда? – всполошенно спросила Юля, чувствуя, что багровеет скулами и вообще выглядит непристойно.

– Ну, есть там пара вопросов, – уклончиво ответил Валера, потупив глаза, как маленький, понял, видимо, что выглядит забавно, и деловито обратился к Эдику со Славой: – Казанову нашего сюда, быстро. Ну и потом... Билеты и всё остальное, вы знаете. Я через часок буду.

Через часок – это вряд ли, сквозь прилившую кровь с трудом подумала Юля.

Они вернулись через два часа. Юля вспоминала эти два часа почти до самого конца. И ни о чем не жалела – почти до самого конца.

Началось всё скверно, а кончилось слишком быстро.

Зато Юля даже не успела испугаться.

Часть первая

Отеческий долг

20–21 ноября

Глава 1

Фоксборо

Тим Харрис

Пока Тим лежал неподвижно, нога почти не болела. Чуть ныла, чтобы помнил: шевелиться не стоит.

Тим не хотел шевелиться. Он хотел умереть. Смысла жить больше не было.

Мама заходила каждые десять минут, каждый раз в новой роли: мамы жалеющей, мамы понимающей, мамы-подружки, мамы-подбери-нюни-рохля, наконец, мамы отчаявшейся. Тим жалел ее, но успокоить не мог. Себя было жалче.

В общем, мама закусила пальцы, быстро вышла и снова позвонила папе. Тим старался не слушать, но мама была не в том состоянии, чтобы следить за голосом, а Тим – не в том состоянии, чтобы накрываться подушкой. Мама сперва не хотела говорить папе все подробности, а у него было много дел, и он уговаривал отложить беседу до вечера. Тут мама и закричала: про тренировку, про колено, про проклятый соккер и про операцию. Это слово вытягивалось в тонкий вой – два раза подряд. Еще она воскликнула: «Нет, нет, не перелом, но, Расти, он плачет!». Тиму стало стыдно, и он заплакал.

Тим был не то чтобы железный парень, но последний раз показывал слёзы отцу лет восемь назад, еще до школы. Кот Макферсонов на глазах у Тима задрал голубя и подло не позволил Тиму задрать себя. Папа тогда рассказывал про выживание, звериную природу, настоящее горе и мужское к нему отношение так долго, что Тим пообещал себе: больше родители плачущим его не увидят. И обещание держал – до сегодняшнего дня. С сегодняшнего дня обещание, как и всё остальное, потеряло смысл.

Сырое отчаяние опять пробило Тима насквозь. Он чуть не завыл – и держался на этой грани «чуть», пока внизу не хлопнула дверь. Папа пришел. Вернее, примчался. Тим понимал, что боль и страдания длятся долго только для того, кто страдает. Для остальных это – щелчок и дуновение.

Мама при виде папы, конечно, вздумала снова рыдать, хотя после разговора оставалась спокойной – во всяком случае, беззвучной. Теперь она была слышна, как будто стены стали бумажными. А может, у Тима обострился слух от темноты и неподвижности. Папа выслушал маму сколько вытерпел, что-то некоторое время говорил почти беззвучно – а, про ее лекарства, – и затих.

Через полминуты по косяку двери в комнату Тима деликатно застрекотали костяшки. Тим проморгался, начал вытирать слёзы, подумал – а какого чёрта, тем более что темно ведь, – и вытер еще тщательней. Папа стрекотнул контрольно, и в полумрак воткнулась ослепительная плоскость.

– Тим, можно войти?

Полумрак горестно молчал. Тим тоже.

– Тимми?

Полумрак зашелестел и горестно всхлипнул. Тим удивился, понял, что это он сам, и постарался сдержаться.

Слепящая плоскость распахнулась на полкомнаты и исчезла. Папа вошел, осторожно прикрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной.

– Болит? – спросил он почти равнодушно.

Колено не позволяло уткнуться в подушку, потому Тим уставился туда, где при свете был виден плакат команды, а сейчас неровно висели пятна чуть светлее прочей тьмы. Лицо папы казалось таким же пятном.

Пятно бодро сообщило:

– Сейчас как раз не слишком больно, наркоз еще не отошел. Вечером будет хуже, ночью накроет. Но таблетки у нас есть, боль снимем. Зато потом...

– Потом я не смогу играть! – звонко выкрикнул Тим и постарался отвернуться.

Папа ничего не понимал, как и все остальные.

Обычно он понимал всё. Он сам отвел Тима в секцию, и потом отыскивал секцию в каждом городе, куда они переезжали, договаривался с менеджером и тренером, и снова приводил Тима. Он водил Тима на все домашние матчи «New England Revolution» и даже на пару выездных – конечно, если сам не был на далеком выезде. Из последнего выезда, вчера, он вопреки всем календарям игр привез футболку с автографом Месси – не просто с автографом, а с надписью «Тиму мечты – от», и ниже знаменитая галочка с буквами «Лео». Он не называл футбол соккером. Он объяснял Тиму, как отвечать тупарям, которые обзывали соккер женской игрой, причем объяснял несвойственными папе жесткими словами. Он сам никогда не выходил на поле даже размяться, не перебрасывался с сыном мячом, вообще не трогал мяч и, возможно, до сих пор не разобрался в правилах игры. Но он всё понимал.

Оказывается, не всё.

Тим иногда тоже не понимал папу. Когда тот переходил на другой язык, например, беседа по телефону, и ладно, если на испанский. Или когда папа в разгар спора с кем угодно извинялся и на несколько секунд прикрывал глаза, чуть улыбаясь, – а когда открывал, спор превращался в дружескую беседу на совсем другую тему, и Тим никак не мог уловить, как это случилось.

А два года назад Тим вовсе испугался. Это было в ночь после внезапного семейного пикника, обильного, веселого и устроенного ни с того ни с сего. Тим выдул бочонок чаю со льдом, так что счастливо и ненадолго проснулся вместе с солнцем. А на обратном пути в спальню заметил светящуюся щель под дверью в папин кабинет и потихоньку заглянул. Из любопытства. И увидел, что папа стоит на коленях и кланяется непонятно кому.

Тиму стало страшно, до кровати он почти бежал, долго не мог уснуть, а на следующий день спросил маму, не террорист ли папа. Папа как раз уехал опять куда-то за границу. Мама сперва удивилась, потом, засмеявшись, объяснила, что нет, не террорист, а наоборот – работает иногда на правительство и всегда на свою Родину. Он просто верит в Бога не так, как многие. С детства верит. И с детства не меняет других странных привычек – мясо ест не всякое, алкоголь совсем не пьет, – с детства, представляешь, это ведь трудно, да, Тимми? – зато пьет горячий чай, и вечно нас от всех болезней прививаться заставляет, и не нам с тобой его переучивать. Тим хотел спросить еще, но видел, что и так сильно обеспокоил маму рассказом про ночную молитву – теперь она знала, что папа собирался в какую-то рискованную поездку. Но папа вернулся уже на следующий день, живой, невредимый и веселый, – и вопросы Тима как-то забылись.

А сейчас было не до них. Да и ни до чего еще.

– Это кто такое сказал? – спросил папа деловито.

Про то, что Тим не сможет играть.

Тим не хотел разговаривать, особенно на эту тему. Но папа ждал. И не собирался, кажется, жалеть, сюсюкать и рычать про подбери-нюни-рохля. Он беседовал – по существу. По-мужски. Надо соответствовать. Тим глотнул (слишком громко) и сказал:

– Хирург, который всё делал. Он сказал.

– И что он сказал? Что ты не сможешь год заниматься, или два, или никогда не сможешь?

– «Сынок, если ноги нужны, о футболе забудь», – очень спокойно процитировал Тим.

– По-моему, это не слишком похоже на «Играть ты не сможешь», – заметил папа.

– Да какая разница.

Папа вздохнул и принялся объяснять – не как ребенку, а как мистеру Дарски по телефону:

– Во-первых, разница есть. Во-вторых, формально он прав: если забыть о футболе и о всяком спорте, о движении даже, ноги будут целыми. Но слабенькими. Всё равно не поспоришь, так? погоди, я не об этом. В-третьих и главных, хирург – он спортивный врач?

– Меня Энди к нему прямо с тренировки повез, у нас же нет своего...

– Тим, я понимаю, я не про это. Скажи мне, пожалуйста, этот хирург – спортивный врач, который лечит спортсменов, разбирается в их травмах и определенно знает, кто чем сможет, а кто чем не сможет заниматься?

Папа опять начал говорить странно: все слова – знакомые, предложение составлено правильно, но смысл ускользает. У него такое бывало. Тим нахмурился, размышляя. Папа, кажется, понял, что слишком закрутил вопрос, и хотел пояснить, но Тим решил ответить коротко и по существу:

– Пап, это обычный врач из обычной клиники на Эштон-лейн.

– Тим. Я уважаю обычных врачей, ты знаешь. Но при всём уважении – врач лечит, приводит человека в правильную форму. А как эту форму применить, человек уже сам решает. И сам выбирает, нужны ли ему ноги, не так ли?

Тим откашлялся, собираясь с мыслями. Мыслей было много, но ответ из них не складывался. Папа как бы решил подсказать:

– Я надеюсь, ты уже определился с тем, нужны ли тебе ноги?

Издевается, что ли, удивился Тим – и вполголоса рявкнул:

– Да, сэр.

– Какой я тебе сэр. Я тебе отец. Итак, ты определился. И что, нужны?

– Да, сэр отец, нужны.

– И давно определился?

– Ну да.

– А почему сегодня передумал?

– Я не передумал. Просто...

– Что – просто? Кто тебя срубил-то?

Тим замолчал. Майки был дебил и тварь, но закладывать его Тим не собирался.

– Сейчас скажешь, что сам упал, – предположил папа. – О мяч споткнулся, может быть, да?

Тим буркнул:

– Какая разница.

Папа вздохнул и сказал:

– Сам понял уже, какая разница, да?

– Да.

Папа поощрительно такнул. Тим понуро процитировал:

– Я не должен подвергать опасности жизнь и здоровье, в первую очередь – мои, во вторую очередь – окружающих. Пап, я все-таки не понимаю, почему окружающие – во вторую очередь.

– Не уводи разговор. Всё ты понимаешь, я сто раз объяснял. Увлёкся сегодня, да? Выпивал мяч, равновесие потерял, а на тебя ногой пошли, и увернуться не мог, так?

Тим полежал, вспоминая, и с удивлением протянул:

– Кажется, да... А ты откуда?

– Просто предположил. Я мениск ровно так же выбивал. Правда, мне чуть поменьше было, двенадцать, что ли... Да, двенадцать. Мы как раз... Неважно. Словом, полуфинал, на кону всё золото мира, счастье и кубок в придачу, нулевая ничья, три минуты до конца. Я выхожу против двух защитников, обвожу одного, вратарь слишком выбегает из сетки влево, я улетаю вправо, чуть не носом в землю, но равновесие из последних сил удержал, мяч обрабатываю на колено-живот, на последнем прыжке замахируюсь – и слева прилетает второй защитник. Бутсой в мяч – и в колено. По касательной. Прямо бы шел – нога навыворот согнулась бы, как у этого... как у лошади. А так – мениск, повязка, и вот я перед вами, веселый и красивый.

Папа замолчал, будто рот себе с размаху заткнул. Тим, наоборот, распахнул рот. Надо было срочно задать сто вопросов, но непонятно было, с какого начать. А папа будто продиктовал, четко и размеренно:

– Тим, для движущегося объекта существенны только законы физики. Это надо четко понимать. Законы социального развития и юридические законы обойти можно. Или перешагнуть. Или переписать. А физические – никогда. Просто запомни это.

Тим задумчиво смотрел на отца. Формулировка была подозрительно красивой – обычно папа так не говорил. Можно запомнить, чтобы блеснуть в классе. Мистер Суарес, преподававший общественные науки, за одну такую формулировку кучу плюсов нарисует.

– Слушай, пап, – медленно сказал Тим, – ты никогда не говорил, что играл в футбол. Где, в Ларкане, что ли?

– Ну, мы много ездили, – как бы объяснил папа. – А так и команда была, да. И чемпионат целый... Слушай, Тим, сейчас времени абсолютно нет, прости. Потом расскажу.

Потом, подумал Тим. Опять потом.

Он уже сидел, забыв про боль и про полное отсутствие смысла во Вселенной.

– Правда расскажу, обязательно, – сказал вдруг отец. – Ты сейчас одну вещь пойми. Человек может всё – если верит, учится, старается и не торопится. Это позволит ему оказаться в нужном месте и сделать то что надо. Ты же футболист, Тимми, и сам понимаешь: ты можешь бегать быстрее всех, но мяч с игры не забьешь, потому что не учился этому. А можешь быть одноногим снайпером, который способен забить мяч с любой точки и умеет до нее добираться. Главное – учиться тому, что пригодится, и всегда точно помнить, что ты можешь, а что – нет.

Он подумал и добавил:

– Это не про футбол на самом деле. Но и про футбол тоже, конечно.

Сын и отец некоторое время разглядывали друг друга в полумраке. Глаза у обоих были привыкшими к темноте, сухими и спокойными. Отец шагнул к сыну, потрепал заросшую макушку и сказал:

– Ну, до завтра. Сегодня я поздно возвращаюсь.

– Ага, – сказал Тим. – А ты седьмого дома будешь?

– Должен вроде. А что?

– «Revolution» играет, – напомнил Тим почти без укора.

– А. Сходим, раз играет. Ты заживай давай.

Тим кивнул, сощурился на свет из-за открывшейся двери и все-таки успел спросить вдогонку:

– И ты играл после этого?

– Играл, – чуть помедлив, сказал папа. – А потом у нас тренер поменялся, всё посыпалось – ну и мы переехали. Как раз в Ларкану. А там с футболом...

– И ты все-таки не стал футболистом.

– Ага. Но кем-то я стал, нет? – сказал папа очень серьезно. – Ну вот. Ох, Тим, всё. Увидимся!

Тим кивнул, глядя вслед.

На следующий день они не увиделись. Папа улетел рано утром, а Тиму было не до чая с ночными блужданиями.

Глава 2

Москва

Леонид Соболев

– Зайдите ко мне, – сказал Егоров и отключился.

– И вы здравствуйте, дорогой Андрей Борисович, – сообщил Соболев гудящей трубке, выключил компьютер, убрал бумаги в сейф и пошел. Не ожидая ничего хорошего.

Конечно, оказался прав.

– Как у нас со Штатами? – спросил Егоров, все-таки поздоровавшись в ответ.

«Укомплектованы», – хотел ответить Соболев, но молча повел плечом. Егоров смотрел. Соболев нехотя сказал:

– Без изменений.

– А почему?

Соболев подышал и сказал:

– Андрей Борисович, ну давайте я съезжу – и начну там всех искать и всё такое?

– Вы уже в Норвегию съездили, – естественно, напомнил Егоров. Он считал, что это смешно.

Соболев так не считал, но спорить было бессмысленно и унизительно.

– Ладно, простите, – сказал Егоров. – Вы не виноваты, виноваты суки, их не достать, вы года два невыездной, вы понимаете, я понимаю, – всё, сняли. Только с начальством в результате что делать?

Соболев снова повел плечом – теперь имел право. Егоров, не дождавшись испуганных уточнений, начал заводится. Впрочем, он по-любому начал бы.

– С начальством, говорю, что делать? Требуется оно, значит, информацию по техническим изменениям охранных систем для гарнизонов и спецобъектов в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Системы «Хеймдалль» и «Сумукан», конкретно. Что, мол, такое, почему, поставщики, принципиальные схемы, стоимость, степень новизны, возможности нейтрализации. С меня требует, понимаете, да? Я хэзэ его, что отвечать. – Егоров посмотрел на Соболева и добавил: – Вариант «С вас требует, вы и отвечайте» не принимается, ок?

Соболев смущенно засмеялся.

– Леонид Александрович, вы мне тут не смейтесь, я не КВН, – ласково предложил Егоров. – Вы мне лучше подготовьте справочку с этими данными – и не из головы, даже не из интернета или там из «Jane's Defence», а с поля, от доверчивого, чтобы был уникальный и достоверный. Вот тогда уже я посмотрю, смеяться или нет. Вопрос рассматривается десятого, вам крайний срок, соответственно, шестое. Две недели. Нормально, я считаю.¹

Всё к этому и шло, но Соболев всё равно сперва растерялся, потом возмутился, потом хотел закосить под дурачка. В итоге тихо спросил:

– Андрей Борисович, как я это сделаю?

– А я не знаю как, – радостно сказал Егоров, которому явно было не по себе. – Вот я откуда знаю? Вы у нас замнач по оперативной части, вам видней.

Соболев дернулся, Егоров упредил:

– А два месяца, Леонид Александрович, – это тем более нормальный срок. Даже с учетом обстоятельств нормальный, так что не надо тут. Не надо, не надо. Вы должны были уже штук пять доверчивых воспитать. Или завербовать. Или втемную задействовать. В общем, не знаю –

¹ Источник информации, заслуживающий доверия.

хотите, через бритов или Канаду ползите, хотите, вон, коллег потрясите, может, они чем поделятся.

– Каких коллег? – тяжело спросил Соболев.

– А вы не знаете. На Украине, в Литве, в Венесуэле. У них диаспоры, их не громили, а связи вы сами должны были наладить. Не успели – так сейчас наладите. Время есть. Да хоть на Ходынке, я хзээ его, по-братски так. Все, двадцать девятого доложите промежуточное, шестого жду справку. Идите.²

Соболев пошел и даже принялся послушно, при этом не выпадая из терминального состояния, выполнять рекомендации начальства. Часа два он прочесывал источники, говорил с кем можно, подмаргивал кому нельзя и едва не сунулся на Ходынку, раскидывал запросы с намеками, залез, конечно, к «Jane's», в фонд Джеймстауна и на пастбища глашатаев Армагеддона типа «ДЕВКА». Наконец откинулся на спинку кресла и с ненавистью посмотрел в окно. Окно было хмурым. Будущее тоже. Ни надежды, ни просвета.

За год отдел был разгромлен дважды, полностью и сокрушительно: сперва изменой Мотева, затем смертью Панченко. Первый сдал врагу всю сеть, второй унес в могилу данные о не входивших в сеть «солистах» – и о том, сколько их, и о том, остались ли вообще «солисты» у службы.³

Соболеву грех было жаловаться: после норвежского провала он думал, что состарится в аналитиках, а потом будет до маразма преподавать склонение скандинавских языков. Перевод замом в атлантический отдел казался джекпотом. А оказался десантом на пепелище, где не осталось ни дома, ни травинки – лишь растерянная молодежь, собранная по математически не рассчитываемому принципу. Даже Егоров по меркам службы был молодым, несмотря на десять лет в отделе Австралии и Британского Содружества. Он должен был стать замом Панченко, единственного из руководителей, полностью выведенного из-под подозрений, – и плести под его началом новую сеть из панченковских загашников. По тому же принципу: даже руководство отделов формально выводилось за штат службы, совсекретно прикомандировываясь к невинным московским и питерским компаниям да ведомствам, никак не связанным с Лесом.⁴

Но Панченко умер в день подписания приказа о ликвидации трех старых отделов и создании на их базе двух новых. И по этой уважительной причине так и не въехал в новый кабинет – вице-президента некоторой фирмы «Экспортконсалтинг». А в кабинет руководителя отдела технической инвентаризации «Экспортконсалтинга», который Панченко занимал последние три года, не успел въехать Егоров. Он сразу освоил кресло вице-президента, со всеми его замысловатыми спецификациями.

И Соболева взял в замы сразу. Непонятно почему. Ведь на установочной беседе Соболев знай возражал.

Егоров пел про скупку идей, технологий и мозгов, каковая скупка является первоочередной для любого государства. Одни, говорил Егоров, делают всё в открытую, как Штаты и Израиль, а другим приходится тихариться. Вот от нас с вами, Леонид Александрович, тихая эффективность и требуется.

А у нас ресурсов нет, сказал тогда Соболев. Егоров серьезно возразил: ресурс есть всегда. Вспомните Эйтингона и Судоплатова, которые за пару лет ни на чем, на еврейском происхождении и идейной накачке, создали квалифицированнейшую сеть на весь мир. У нас не осталось ни происхождения, ни накачки, ответил Соболев. У Китая ресурс есть: он прет и тупо платит. У Ирана есть: он типа главный антиамериканец. У «Аль-Каиды» есть... Егоров заух-

² Штаб-квартира ГРУ Генштаба (военной разведки) находится на Ходынском поле в Москве.

³ Оперативный агент, действующий самостоятельно.

⁴ Неофициальное название штаб-квартиры Службы внешней разведки в московском Ясенево.

мылся, Соболев тоже заухмылялся, пояснил: ну, теперь-то она существует. И продолжил: сотрудничество с другим государством любой источник начинает, чтобы заработать, переехать или потому, что считает это красивым. А у нас никто не хочет жить, на нас запахло работать, мы никто.

Русское происхождение, напомнил Егоров. Н-ну да, сказал Соболев. Последний козырь. Правда, через полгода после того, как мы пустим этот козырь в ход, наши братья по разуму примутся отлавливать по заграницам всех русских. Всех, под мелкий гребень. Егоров пренебрежительно отмахнулся: им китайцами еще ой сколько заниматься. Но в целом вы правы: после Мотеева надо немного посидеть и дать ситуации успокоиться, раз всё криво так идет. Дать предателям предать с минимальным ущербом. А потом – вспомнить про русское поле.

На том они и сошлись, между прочим. На то Соболев и согласился. И потихонечку изучал, рыхлил да возгонял кормовую базу, которая постепенно станет сырьевой, а потом и производственной. Базу составляли несколько сотен человек, с которыми удалось наладить отношения, разные, но не исключающие развития. Конечно, попытка срочно вытащить из них любую информацию эти отношения угробит. Зато перспектива была неплохой. Это главное.

А теперь выяснилось, что справка главнее перспективы. Кабинет главнее дела. Как привычно и обидно.

Был бы еще кабинет толковый.

Апартаменты Панченко достались Соболеву в нетронutom виде – и с пожеланием не трогать и дальше. Спасибо хоть новому техинвентаризатору разрешили сослать допотопный компьютер со стола на дальнюю тумбочку, заново приладив к нему все провода, в том числе очевидно лишние. Соболев не возражал. Ну, гроб, ну, шуршит. Жрать не просит, чего возражать-то.

Теперь компьютер зашуршал сильнее. Соболев отвлекся от безнадежно оловянного окна и успел заметить затухание красных огоньков на системном блоке, видимо, вспыхнувших секундой раньше.

Здрасьте, пожалуйста. Агония, что ли? Как бы он в рамках агонии пожар не сотворил, равнодушно подумал Соболев, прикидывая, можно ли выключить комп, не вставая с места. Например, метко брошенным ежедневником.

Комп запищал. Пришлось встать, подойти и рассмотреть. Паленым не пахло. Соболев включил монитор. По экрану вдоль серой сетки допотопного файлового менеджера ползла сиреневая полоска высотой в два курсора.

Экран накрылся, понял Соболев, – и тут полоса замигала и на ней проступили серые буквы: «Hello uncle».

Соболев посмотрел по сторонам, подумал, вытащил из тумбочки клавиатуру, пристроил ее рядом с монитором и набил ответное «hello». Оно появилось на нестерпимо яркой изумрудной строчке, перечеркнувшей экран пониже сиреневой.

Еще ниже возникла новая сиреневая строчка, померцала и позволила продавиться порции серых литер – на сей раз невнятных: «4 bca ncuw g5u mtyw 601 mno7 tz6 pfxh 9q9 s221».

Соболев покусал губу, разглядывая цифры. Собеседник с той стороны напечатал с абзаца: «Cnntn????» Губе стало больно. Соболев сообразил, что это уже вопрос, продолжать ли, нагнулся и одним пальчиком напечатал по-английски: «Ошибка, не могу читать». Получилось как в отчете электронного прибора, но тут уж не до красот.

«4, смотри 4», – замигало серым по сиреневому. Тут же с новой строки: «Подтверди, быстро».

Делать было нечего. Соболев быстро щелкнул по четверке.

Комп пискнул, цветные строчки на миг стали ярче – и тут же пропали. Осталась сетка, делящая экран на три столбца с парой бессмысленных буквосочетаний на каждой. Буквосочетания были теми же, что и до сеанса связи, кириллическими и длинными, будто название

ошметка древнего файла в недружественной кодировке. В отличие от файлов, эти буквосочетания не открывались. Никак.

Соболев подтащил стул, сел, напрягшись, вспомнил способы обращения с DOS-овскими файлами и попытался хотя бы найти описание объектов или иным способом залезть в четвертый из них, видимая часть которого читалась «~РйЙяпачЧфыДэПРгрекна-пЖД-да». Вдруг это и есть четверка-раскодировщик?

Не срослось. Соболев простучал остальные объекты, попробовал разобраться в операционке компа или вызвать дерево каталогов, убедился, что человеческие методы машина не понимает, и тягостно задумался: шарахнуть по ней с ноги или позвать кого умеющего? Да некого было звать: комп ставили и переставляли спецы из Леса, а здесь был не Лес, а покрывка, и в это крыло ходу работникам покрывки не было. Да кабы и был – что разобрал бы сисадмин из IT-департамента «Экспортконсалтинга» в допотопном железе и закриптованном софте?⁵

Комп снова пискнул, экран перехлестнуло сиреневым, надулась надпись:

– Что с дядей?

– Его нет, – без паузы напечатал Соболев. – 200. Сердце.

Решил не врать, ибо смысл-то.

– Когда?

– В сентябре.

– Ты вместо него?

– Да.

– Меня знаешь?

Соболев немедленно набил:

– Предполагаю.

– 1, 2, 3 не знаешь?

– Ничего не знаю.

– Рабочий номер, быстро. 15 секунд.

Соболев замешкался – сперва не понял, потом лихорадочно вспоминал номер проведенного в кабинет телефона, которым сроду не пользовался, потом соображал, не засекречен ли он, потом неправильно набил вторую цифру.

Но успел, кажется. Точно успел. Неужто отрубится, падла?

Экран резал глаз застывшей тельняшкой ядовитых тонов – и ожил одновременно с телефоном. Телефон заблеял, а на дисплее появилось: «После шестого звонка – перезвоните позже».

На четвертой трели Соболев понял, чего от него хотят, и подивился параноидальности панченковских агентов. На пятой согласился с обоснованностью такого подхода. На шестой откашлялся, поднял трубку и сказал:

– Перезвоните позже.

В трубке слабо ныло чужое внимание.

Соболеву очень хотелось сказать «пожалуйста», сказать «не бойся, я свой», сказать «Панченко тебя не сдал», сказать «ты нам нужен».

Он молчал до щелчка и коротких гудков. Ударил по рычагу, набрал короткий номер и сказал:

– Соболев, двенадцать семь семь. Отследить звонок на мой городской, всё, что возможно, экстра. Стоп. Ноль десять. Да, Соболев, двенадцать семь семь, подтверждаю: ноль десять, отбой.

Сел к экрану, убедился, что от стола верно разглядел строчку «Не отслеживай, вредно», и пробормотал:

⁵ Покрывка – компания, обеспечивающая оперативное прикрытие сотрудникам спецслужб.

– Ну, чтоб ты был такой же полезный, какой ушлый.

Убеждать себя в этом пришлось гораздо дольше, чем Соболев рассчитывал. Но через час он ворвался в кабинет Егорова почти счастливым.

– Андрей Борисович, контакт Панченко всплыл!

Егоров даже не вздрогнул. Кивнул, не отрываясь от монитора, и спросил:

– Который?

– Не знаю, но есть основания полагать, что важнейший, – нетерпеливо сказал Соболев. – Пальцы веером, прошу прощения, но компетентный – и старейший, я так понимаю. Он через панченковскую игровую приставку выскочил.

– Так. Пиндос?

Соболев даже удивился:

– Нет, точно нет. Или перевербованный эмик, что маловероятно, слишком профессионален. Или... Нет. НОК, с высокой долей вероятности.⁶

– Или мальчик из штата Вирджиния.

Соболев помотал головой и неизобретательно повторил:

– Нет, точно нет. То есть существует, конечно, вероятность, что наш на двойную пошел и теперь в их интересах... Но чтобы мальчик из Вирджинии – никак нет, без вариантов. Язык, контекст – всё с полуслова. Андрей Борисович, с высокой долей... Короче, дядька такой вышколенный из Союза, это не симитируешь, так подготовиться нельзя.

– Наши же готовятся, – сказал Егоров невнимательно.

– Наши – да. Но у нас подход другой – только мы берем «языков» и только мы засылаем нелегалов. Виноват, неуместное выступление. Но осмелюсь напомнить, помимо прочего: все вирджинские мальчики индеек закупают – завтра же День благодарения. Андрей Борисович, это наш нелегал!

Егоров поднял наконец глаза и печально напомнил:

– Леонид Александрович, на территории Соединенных Штатов Америки наших действующих нелегалов нет с марта. Пенсионеров я не считаю: они нас послали, списаны и с нами рядом срать не сядут. Остальных сдали наши с вами предшественники. А незарегистрированных сотрудников у нас не бывает. В принципе. Вам, Леонид Александрович, голову морочат, судя по всему.

Егоров замолчал, пристально глядя Соболеву в глаза. Соболев запоздало сообразил, почему дорогой начальник, которого, поди, с момента назначения сильно и не вынимая пользуют на тему немедленного эффективного результата, всё это время паялся в монитор. Дорогой начальник вмиг и отчаянно поверил, что дождался чуда, которого не бывает. Поверил, задохнулся, пришел в себя и принялся считать шансы. Насчитал округлый ноль, сообщил об этом Соболеву – и теперь ждал, что молодой колотый заместитель сотворит чудо номер два и всё обоснует.

Попробуем.

– Андрей Борисович, я не уверен, что он изначально наш.

– Вы уж определитесь как-нибудь, Леонид Александрович.

– Нет-нет, я про другое. Вы же сами говорили: Литва, Украина... Такой вариант: хохлы НОКа в Канаду к лесорубам забросили, а Панченко его перевербовал. Или, может, не кадровый, а «полосатый»⁷ вдруг проникся и вырос. В любом случае, кадр тертый и давний. Он из этой кофемолки, ну, которая у Панченко стоит, вылез с набором кодов, который мы все забыли. И меня проверял – каэры⁸ так не терзали, честно. Мы по итогам знаете где общались?

⁶ Non-official cover – английский термин для обозначения оперативного агента под прикрытием.

⁷ Оперативный источник, в том числе используемый «втемную».

⁸ Сотрудники контрразведки (КР).

- В общедоступной видеоконференции половых меньшинств городского округа Химки?
- Почти. В соцсети района Воля города Варшава.

Егоров потянулся, закинул руки за голову и сообщил:

- Воля. Спасенному рай. Дурдом.

– Ага. Я, честно говоря, чуть не это самое, не упал, пока расшифровывал, что такое «гмина народная убила царя». Стилль еще эсэмэсочный, сплошные сокращения – может, думаю, недопонял чего. На ебургские сайты полез, потом боснийские...

- Почему боснийские?

- Так царя на Урале убили, а потом меня что-то переключило на Сараево...

- Убили, значит, Фердинанда-то нашего, – с удовольствием сказал Егоров. – Дурдом.

А гмина – это что за зверь?

– Район по-польски. Так и нашел, хотя в Польше этих Воль... Ну, остановился на варшавском, столица ведь, зарегился – тоже чуть не съехал, там этих Максов Ковальских штук тридцать, а чтобы отличие придумать, надо ж понимать, чего пишешь, у-у. Зато аккаунт сносится сразу и без следов, так что хорошо придумано.

- Ну да, и что может быть безобиднее польской социальной сети.

- Монгольская.

- Это, видимо, уже следующий этап. И как он на вас вышел?

– Сразу. Велел поставить в интересы «папоротники Трансильвании». Я поставил, он тут же стукнулся, как Лех Новак. Сказал речь, выслушал меня, обнадежил и ушел.

- Насчет чего обнадежил?

- Насчет нашей темы.

- Нашей?

– Так точно, которая к шестому декабря, – терпеливо напомнил Соболев. – Он мне договорить не дал, говорит: «А, «Анти-Морриган»...» – это, говорит, возможно. Коли договоримся и это решим, говорит, я буду весь ваш, активный и на связи.

- Я, Леонид Александрович, хэзэ его, что такое «Анти-Морриган».

– «Морриган», Андрей Борисович. Это я уже потом справки навел, как распрощались. «Морриган» – обозначение систем подавления активной защиты, в первую очередь военных объектов, но всяких других тоже. Разрабатывалась у нас, в Штатах и Израиле, сейчас программа везде официально свернута и списана как морально устаревшая. Всякие пикейные жилеты, ну, им сливают разное для фонового шума, знаете, – они утверждают, что это неправда. Вроде именно против «Морригана» наш Минобороны заказывает перевооружение объектов защиты на заграничных базах, которые остались, – скандал еще был, когда собрались не у наших заказать, а снова за бугром. Амеры, соответственно, зашевелились по поводу своих баз. В связи с чем, я так понимаю, нас и это самое, любят. К шестому декабря, я имею в виду.

– Ух как красиво-то, – сказал Егоров и опять уставился в монитор. – Все-таки Вирджиния.

Соболев почти затопал от избытка чувств и слов, но сдержался. Егоров очень длинно и быстро стрекотнул по клавишам и продолжил:

– Леонид Александрович, у вас что, правда не возникло ощущения – такого, знаете, острого профессионального, оно иногда... – что в жизни такого не бывает? Ну подстава ведь, как это у молодежи, я хэ... стопудовая, вот. Именно сейчас, когда нам умри, но узнай, – такой цветистый подарок, что... Ну не бывает, да?

– Не бывает, Андрей Борисович, – осторожно согласился Соболев. – И все знают, что не бывает таких совпадений. И в Вирджинии тоже знают, наверно. Так чего им сразу подставляться? То есть всякое бывает, кто спорит. Но проверить-то всё равно надо, я считаю.

– Вилы по воде, шестнадцатый кегль, курсив, – буркнул Егоров. – Надо, надо. А что означает «коли договоримся»?

- Как? А. Ну, он условия выставил.
- Ох какие все стали. Варшавский договор условного типа. А без условий если?
- А без условий если, цитирую: «Ты мне никто. Ты мне не родина, не хозяин и не друг».
- А, вы поэтому про хохлов решили. Ну, в принципе... Хорошо. И много условий?
- Не, одно. Но такое, вполне. С другой стороны, как раз к слову о том, что вряд ли колотый. Есть в таком городе Чулманске – это если я с Челябинском не спутал, он ведь по-русски латиницей шпарил и без гласных...
- Это называется польский язык, – наставительно уточнил Егоров.
- Так точно. Кстати, он прямо на ходу учился – четверку вместо «ч» ставить, дабл-ю вместо «ш», у меня подсмотрел. Если язык не родной, вряд ли так быстро выйдет... Виноват. В Чулманске есть такой завод «Потребтехника». Там скандал: если я правильно понял, рейдеры зашли, директору дело состряпали, самого закрыли, ну, как обычно. Вот он за этого директора хлопчет, говорит – верните человека на свободу, человеку верните завод.
- И?
- И всё. И все данные, говорит, немедленно у вас, и я весь ваш.
- Так. А в чем его интерес?
- Не могу знать. Может, он там совладелец. Может, директор его братишка, или там они папоротники в Трансильвании вместе собирали.
- Кстати, выясните по-тихому... Всё-всё, молчу, не обижаю. А подвох в чем?
- Какой подвох? – искренне удивился Соболев.
- Леонид Александрович...
- Ну, подвох, не подвох – моментик. Два. Во-первых, рейдеры – это ОМГ. Во-вторых, считается, что чулманская «Потребтехника» – разработчик и потенциальный производитель базовых компонентов «Морригана» и «Сумукана» с нашей стороны.

Глава 3

Фоксборо – Хантсвилл

Адам Дарски

Средиземноморская кухня есть вершина кулинарного искусства. Этот лозунг шефа Дуазье, висевший в рамочке на стене самого актуального ресторана города (по версии окружной газеты), вряд ли увенчает список самых глупых изречений, но попытка неплоха, скажет вам всякий подкованный едок. Судя по пустынности зала, дела у самого актуального ресторана шли не слишком бойко. Или актуальные жители округа уже начали разъезжаться по бабушкам в связи с наступающим Днем благодарения.

У Адама бабушки, к сожалению, кончились в детстве, а любимый дедушка немногим позже. Родители были благодарны друг другу в основном за то, что вскоре после развода осели на разных побережьях – и горизонт друг другу не омрачали. В юности Адам из-за этого почти комплексовал, теперь – почти радовался. Можно было смело строить планы на послезавтрашний день. На завтрашний они были построены загоя и несокрушимо. А сегодня Адам решил вытащить мастера к Дуазье, чтобы за поздним завтраком спокойно обсудить презентацию, оценить еду и обстановку, прикинуть перспективу приема парней из Хантсвилла именно за столиком самого актуального ресторана (по версии окружной газеты) и просчитать смысл такого приема с учетом последних данных.

Данные Адама перепугали. Его источники, в том числе подсказанные мастером, уверенно сообщали, что инженерный корпус армии США определенно склоняется к трехуровневой версии «Сумукана», которую независимо друг от друга продвигали «UCC» и «Motorola». У обоих производителей были огромные ресурсы, огромные возможности и огромный опыт сотрудничества с военными. В эту огромность и прыгал, паруся штанишками, маленький «Вого Security» – как пуделек новоселов в отточенный годами спарринг соседских ротвейлеров. Порвать, быть может, и не порвут, но унижить могут сильно.

Мастер должен был разогнать опасения. Обычно он это делал тремя фразами за полминуты – когда хотел утешить. Иногда – не хотел. Вернее, исходил из нечеловеческого подхода «Страдания облагораживают, а исправленная ошибка полезней несовершенной», вынесенного из каких-нибудь восточных экспедиций. Адам, к счастью, таким опытом не обладал, и суть подхода разобрал методом невкусных проб.

Мастер от утешений или педагогического иезуитства уклонился, ограничившись извинением перед Адамом – а Адаму пришлось извиняться перед шефом Дуазье. Мастер умчался домой по звонку рыдающей жены: малец травмировал ногу. Мастер, при всей его мягкой ироничности, парень железный, но на семье повернут. Железно и до упора. Адам обычно это ценил – и подозревал, что сам станет таким, когда наконец попадет в чей-нибудь хомут (не твой, Лора, отставить и расслабиться). Здесь и сейчас ценить было тяжело: готовность мастера обменять миллионный контракт на ритуальное исполнение отцовского долга раздражало и беспокоило. Адаму хотелось срочно утешить мастера, привести в рабочее состояние и всё такое. Однако он с трудом представлял себе человека, способного утешить Расти Харриса. Представить последствия такого эксперимента было еще сложнее, при всей любви Адама к мистическим триллерам и слэшерам.

Ладно, мастеру виднее. И времени в обрез, но хватало. Встреча назначена на пять, презентация готова, Адам шлифанет ее в одиночку – да и в дороге, считая перелет, пара часов для обсуждения есть. А мастер будет на подхвате. Так договорились – и мастер рванул домой.

Но не дай бог сорвется. Не дай бог всем.

Не сорвалось.

В самолете мастер послушно кивал в такт Адаму, елозил пальцами по подsunутому планшету и вроде даже откликался в лад, но пару раз тормознул с ответами. Адам прервался и спросил, всё ли в порядке. Мастер встряхнулся, извинился и сказал, что да-да, теперь всё. Вольно, солдат.

И тут же лихо и быстро, в редко используемой манере парашютного диверсанта, объяснил Адаму, что инженерный корпус остро нуждается не просто в работающей системе безопасности, но в системе, во-первых, универсальной, во-вторых, инновационной, в-третьих, испытанной практикой, в идеале – как в Штатах, так и в максимально отличающихся условиях (например, ближневосточных). А такой системы нет ни у кого, кроме «Вого». Мы предлагаем заказчику пятиуровневое обеспечение безопасности, проверенное хоть и гражданскими пользователями, но в довольно боевой обстановке. Мы готовы, не выходя за рамки «Сумукана», подключить и шестой уровень, химическое производство для этого у нас разработано и подготовлено. Любого конкурента вырубим и проблеваться дадим, да еще и в ультразвуковой трип отправим, так? И мы, Адам, ставим цену, перед которой устоит разве что материально заинтересованный конкурентами заказчик – а мы с тобой не верим, что в инженерном корпусе есть такие. Так даже если и есть – что нам мешает разбудить в них встречный интерес?

Адам чуть было не принялся громить и давить, да вовремя заметил чугунность фаса и вылезший акцент мастера. Понятно. Любимая маска: «Деревенщина учит жизни столичных придурков». Она, надо сказать, мастеру удивительно шла. Многие знакомые Адама считали чугунный прикус естественным свойством главы «Вого Security», в связи с чем заместителю главы изo всех сил сочувствовали.

– Запугаешь там всех, – буркнул Адам недовольно.

Расти снова сменил акцент (в которых, кажется, давно запутался сам) и сказал тоном мелкого сутенера:

– Солнц, соски вверх, гусак обопрется – не слезет.

Вернувшись к привычному и почти уже не странному говору и тону, он деловито закончил: наши козыри – качество, уникальность и эффективность, наш стиль – честность и обаяние. Сегодня мы должны их зацепить – чтобы они нас запомнили, заинтересовались и согласились как-нибудь посмотреть в действии. Мы даже не будем напоминать, что «Motorola» по ноздри в слияниях-поглощениях, а «УСС», ну, это они лучше нас знают. Мы четко скажем, что в нынешней версии цена вот такая, а интеграция всех систем безопасности и апгрейд до реального шестиуровневого «Сумукана» сделает цену совсем другой. Впрочем, про деньги говорю я и в крайнем случае, как старый неприятный человек. Первый номер работаешь ты – уверенно и с блеском, помнишь?

Адам помнил, конечно. Сразу так договорились. Во-первых, потому что пока инженерный корпус формально искал поставщиков не для ближневосточных, а для восточноевропейских баз, – а за Восточную Европу в «Вого» отвечал Адам. Мастер, который знал всё про всё, к Восточной Европе был абсолютно равнодушен и полностью полагался на младшего партнера. Во-вторых, решающий голос в группе заказчиков был у женщины. За женщин Адам отвечал по умолчанию.

Поэтому переговоры катились как по маслу.

Выделение масла Адамовой роговицей происходило почти натурально и почти произвольно – и не по вине дикой алабамской жары. Пэм Райерсон была пригожа, фигуриста и смугла. Адам на таких западал и без дополнительного принуждения. Отдельным его пунктиком была шея – а в шею начальницы департамента закупок инженерного корпуса армии США хотелось пасть лицом и делать что-нибудь медленно и чутко. Строгий костюм с сиреневой брошкой на неожиданно крупной груди убивал окончательно. И кольца на пальцах Райерсон не было. Адам пару раз терял мысль – на речи это не сказывалось, спасибо картинкам в презентации, но бархатистость в его голосовых связках превысила разумный уровень.

Райерсон выглядела вполне тефлоновой, но Адам понимал, что ей внимание такого красавчика, даже утрированное, должно льстить.

И тут Райерсон неожиданно спросила:

– Хорошо, а как быть со средствами подавления?

Адам, рассказ которого про тройную страховку устойчивости связи был оборван на самом высокотехнологичном термине, хлопнул губами и глазами, прищурился и посмотрел на начальницу департамента, как старшеклассник на эффектную мамашу лучшего друга. И спросил почти томно:

– Подавления живой силой?

Вот тут-то и пригодится снимок блюющей живой силы, пытавшейся подавить прообраз «Сумукана» на первых полевых испытаниях. Добровольцам пришлось доплатить по полтиннику сверх обещанного, но удовольствие стоило дороже.

Страшно хотелось похвастаться еще и «LastMinute-Cleaner», но клинические проверки спрея, вызывающего короткую фиксационную амнезию, еще не завершились, да и мастер велел придерживать этот козырь до последнего.

Лэнгдон, помощник Райерсон, прятал снисходительную усмешку. Пэм, шевельнув округлостями, объяснила:

– Вы готовы к подавлению «Сумукана» комплексным механическим, термическим, волновым и электронным воздействием?

– Тип «Морриган»? – так же томно уточнил Адам.

Усмешка Лэнгдона застыла. Райерсон сказала:

– Например.

– Тип «Морриган» разрабатывается в России, Китае и Израиле. Промышленно не освоен, на внутренний рынок и тем более на экспорт не поставляется и в обозримом будущем поставляться не будет.

Пэм наконец улыбнулась, откинулась на спинку кресла и сообщила:

– Устаревшие данные.

Адам осведомился:

– Израиль вписался в конфликт на стороне арабских повстанцев? Или Китай открывает свой филиал на Ближнем Востоке?

– Еще одна попытка, – предложил Лэнгдон.

Адам серьезно сказал:

– Ерунда. В России велась разработка под эгидой тамошней нацгвардии или как она там называется, разработка давно заморожена, производство перешло в частные руки, военные и специальные разработки перестали финансироваться, завод спокойненько шлепает бытовые медиаплееры.

– Устаревшие данные, – повторила Пэм с удовольствием, и Адам подобрался. Мастер, кажется, тоже.

Стимулировать беседу не потребовалось. Лэнгдон сказал:

– Месяц назад русский завод «Потребтехника» отдан в управление «Объединенной машиностроительной группе» – откровенно государственному концерну откровенно военной направленности.

– Это меняет дело, – озадаченно сказал Адам и посмотрел на мастера.

Мастер откашлялся и, не педалируя тон английского профессора, объяснил, что устойчивость к комбинированному воздействию предусмотрена даже действующей системой, не говоря уж про то, что мы, в отличие от уважаемых конкурентов, называем реальным «Сумуканом», но против инновационных форм воздействия нужны, безусловно, дополнительные уровни защиты – и мы их надстроим, когда и если это потребуется.

Лэнгдон одобрительно кивал, а Райерсон безмятежно сказала:

– Хорошо, но хотелось бы посмотреть на эту устойчивость в полевых условиях. Это возможно?

– В любое время, – сообщил мастер, совершенно не сияя.

Дождавшись, пока мастер обсудит с Райерсон возможные даты и сойдется на семнадцатом декабря, Адам вполголоса сказал:

– Мы имели дело с «Потребтехникой», еще при моем предшественнике, да покоится он с миром. Он лично вел переговоры о возможности сотрудничества – ну, надо было узнать обстановку и перспективы русских по нашим направлениям. Он выяснил – так, мистер Харрис? – подробности заморозки наступательных проектов, а заодно укрепился в убеждении, что шеф предприятия – он и генеральный директор там, и совет директоров, и владелец, если не ошибаюсь, – что этот парень не собирается уступать контроль кому бы то ни было ни на гран. Поэтому парень шарахался от государственной поддержки, от сотрудничества с нами тоже отказался довольно резко. И Колин, мой предшественник, в меморандуме указал, что такой человек не передумает. Ошибся, получается.

Райерсон кивнула и хотела объяснить, но Лэнгдон ее опередил:

– Не ошибся. Этого человека выкинули с завода и сейчас судят.

– За что? – удивился Адам.

Теперь Райерсон успела первой:

– Очевидно, за упрямство и резкость. Не отдал завод корпорации – получай уголовное расследование. Обычная история для России, не знаете разве? Но там, кажется, и криминальные дела, домашнее насилие или даже убийство, – я не вникала. Это неважно – важны последствия, не так ли?

– В причинно-следственных связях мы не уверены, – влез все-таки Лэнгдон. – Может, поводом для смены собственника стало криминальное событие, может, наоборот. Государственные концерны в России сейчас активно набирают активы, в том числе разбойничьими методами. Им – можно. Не зря корпорация называется ОМГ.

– Характерно, что по-русски аббревиатура «О мой бог» будет такой же, – авторитетно сообщил Адам.

– Вы знаете русский? – уточнила Райерсон.

Адам кивнул, с ужасом сообразив, что по-русски аббревиатура будет все-таки другой.

– Но ведь «Бог» по-русски – он на букву «b», – сказала Райерсон.

– Еще есть «господь» – как раз на «g», – лениво пояснил Адам, молясь всем алфавитам мира.

Пронесло. Райерсон кивнула, встала и отправилась пожимать гостям руки. Походкой богини.

Походка эта завела Адама настолько, что он едва не пригласил Пэм в ресторан немедленно. Не исключено, что Райерсон этого и ждала, – и не исключено, что согласилась бы. Адам сдержался совершенно невероятным усилием воли. Сопоставимого усилия потребовали размыкание рук и отрывание взгляда от глаз Пэм. Глаза были прекрасны – как он раньше-то...

Мысли по этому поводу занимали Адама на пути через точки безопасности инженерного корпуса – слабенькими они тут были, а с другой стороны, чего охранять-то. Мисс Райерсон разве что. Эта мысль была лишней – Адам снова разгорелся. И климат способствовал... Адам поспешно стащил надетую было куртку. Мастер жары не замечал – как обычно. Он, похоже, ничего вокруг не замечал – и это было уже необычно. Но Адам опомнился, лишь когда сопровождавший сержант напомнил, что останавливаться запрещено, извините. А кто останавливается-то, удивленно подумал Адам, оглядываясь на мастера. Мастер застыл, сверля глазами тень. Его всегдашний загар, обновленный латинской поездкой, выглядел удивительно нездоровым – как тень примерно. Мастер посмотрел на сержанта странно и тут же нагнал Адама.

Они послушно сели на заднее сиденье вполне гражданского джипа «GM», подтвердили сержанту, что арсенал «Redstone», музеи космоса и искусств, а также ботанический сад осматривать категорически не намерены, а желают в аэропорт. Сержант веско повторил инструкции юному водителю, козырнул, хлопнул дверью. Машина тронулась – и мастер сразу сказал Адаму:

– Доставай планшет.

– Зачем? – удивился Адам, собиравшийся говорить и, может, петь совсем о другом.

– Опозорились сейчас с этим заводом, надо понять, о чем речь.

Мастер был неоправданно возбужден – как будто не он минуту назад болтал носом в районе солнечного сплетения. Раньше Адам таких перепадов настроения за руководством не замечал.

– Разве опозорились? По-моему, наоборот, позволили людям блеснуть эрудицией – всем приятно. На самом деле, какая...

– Адам, не сейчас, – сказал мастер и кивнул на водителя, которому было жутко интересно. – Просто посмотрим.

– Да без проблем, – сказал Адам, снисходя к мельтешению начальника, вытащил планшет и отдался поисковому рикошету.

Мастер молча косился, потом не выдержал:

– Правозащитные сайты смотри.

Адам знал, что такое правозащитные сайты и почему на них можно найти профильные данные, – но удивился тому, что про это знает мастер. Или сам Адам его в свое время и просветил? Если так, то ничего странного: память у мастера была как юг Луизианы, увяз – не выберешься.

– «Потребтехника», да, – продолжал инструктировать мастер, и акцент у него был неопознаваемый. – Есть? Большой резонанс вызвало силовое и сомнительное с юридической точки зрения изъятие бизнеса у владельца завода «Потребтехника»... Всё, что ли? Так. Русскую версию открой.

– Зачем?

– Ты же русский учил.

– Учил... – убито согласился Адам и открыл русскую версию, неслышно бормоча все известные с детства польские слова – и все были к месту.

– Ссылки тоже открой, – велел мастер.

Он несколько секунд рассматривал экран, потом откинулся на сиденье и закрыл глаза. Адам так и не понял, слушает ли мастер, как несчастный подмастерье бьется с невозможным этим языком, запинаясь и перевирая всё что можно. Мастер не проронил ни звука, пока Адам исполнял кривой пересказ стандартной, видимо, для современной России рейдерской истории с участием государственного холдинга и строптивного нувориша, разыгравшего стандартный, видимо, для всякой России сюжет с толстовско-достоевским истреблением жены и любовницы. И в самолете мастер тоже не проронил ни звука, потому что заснул до взлета.

А на следующий день позвонил уже из Канады.

Часть вторая

Как родного

26–27 ноября

Глава 1

Чулманск

Замирбек Сооронбаев

Долбить лед можно и одному, оттаскивать – никак. Приходилось корячиться, чтобы было как-то. Ходойназара земляки сманили на стройку где-то на окраине. А Леша с Димой с началом морозного снегопада срочно заболели. С выходных не вышли. Появятся опухшие и веселые. Потом, когда первый лед уберется. Как-то.

Замирбек с тоской осмотрел кучу сколотого льда, поднявшуюся выше пояса, хотел перекурить, но решил, что тогда совсем замерзнет. Дома зима холодная, но не лютая – а здесь какая-то серая и безжалостная, хоть плачь. Плакать было бесполезно. Замирбек подтащил к куче железный лист с загнутыми краями и принялся перекладывать на него ледышки. Перекидать было бы проще, но шумнее – Мартынюк развоняется.

Волокуша заполнилась выше краев, а куча не убавилась. Хватит, не утащу ведь, решил Замирбек, но все-таки с глухим стуком ссыпал на лист еще несколько кривых охапок.

До ворот было легко, Замирбек даже пожалел, что рано прервал погрузку. Но перед самыми воротами жестянка встала, едва не располовинив обе рукавицы. Замирбек обошел груз кругом, подергал в разные стороны, поймал момент и снял с тормоза – с большим трудом, но снял, на землю слетела всего пара ледышек.

В воротах волокуша застыла намертво, как и не двигалась никогда. Протискиваться сквозь загроможденный проем стало неудобно, но Замирбек всё равно побегал вокруг, приподнимая и выталкивая жестянку с разных сторон. Она не поддавалась, словно примерзшая или прибитая к асфальту. Замирбек понял, что без сброса части груза не обойтись, поежился, представив, как завопит Мартынюк, если увидит, обозлился, скакнул к веревке и рванул так, что чуть руки из плеч не вылетели.

Жестянка с громким скрежетом проползла сквозь ворота и покатила дальше, резко полегчав. Замирбек так обрадовался, что сперва добежал с нею до сливной решетки, а потом уже обернулся, чтобы оценить, сколько там чего рассыпалось.

А ничего и не рассыпалось. Волокуша была полнехонька, а сзади ее придерживал незнакомый парень, по виду – земляк. Который, выходит, и позволил Замирбеку лететь так быстро и плавно. Среднего роста, в утепленной спецухе, как у Замирбека, но почище, и в синей вязаной шапке, не как у Замирбека, явно очень мягкой и теплой.

Парень выпрямился, улыбнулся и сказал:

– Салам.

Не совсем парень и не совсем земляк. Постарше Замирбека, хоть и не понять, на пять или пятнадцать лет, смуглый, зато разрез глаз – как у местных.

– Здравствуйте, – сказал Замирбек по-русски. – Спасибо, что помогли.

– А как тут не поможешь, – рассмеявшись, ответил незнакомец по-киргизски, но со странным то ли акцентом, то ли интонацией. – Этот хозяин твой как рывкнет: а ну пошел помогать! Я и полетел.

– Мартынюк, что ли?

Незнакомец кивнул, шагнул к Замирбеку, стащил перчатку и протянул руку.

– Анвар.

Рука у него была горячая и с удивительно чистыми ногтями. Недавно здесь, понял Замирбек, поспешно стянув рукавицу и представившись в ответ:

– Замирбек.

Анвар кивнул – знаю, типа, – и сказал:

– Слушай, дубак тут, а? Ну что, сгружаем на раз-два?

Вдвоем они перетаскали кучу и зачистили площадку перед проходной за час. В одиночку Замирбек колупался бы дотемна. Мартынюк, козел, ни разу не выглянул поглядеть, как новичок справляется. Новичок справлялся отлично. То есть он был совершенный новичок: неграмотно ухватывал лом, не знал, под каким углом бить и кидать отбитое, не экономил сил, норовил грузить побольше и идти побыстрее. Но был при этом смысленный, старательный и выносливый.

– Дальше что? – спросил Анвар, удовлетворенно оглядывая свежевылупленные и засыпанные песчано-гравийной смесью дорожки.

– Дальше по мелочи: снег на газоне выровнять, мусор убрать, а крыши уже завтра... Э, погоду, ты куда?

Анвар нерешительно остановился.

– Ну, газон...

– Вот ты ударник, – с усмешкой сказал Замирбек. – Ну, передовик, в смысле. Понимаешь?

– Да. Теперь да. Не все слова помню, извини.

– Понятно. Сейчас перекур, потом уже дальше работать. А то надорвешься. Курить будешь? – спросил Замирбек, вытаскивая пачку.

Анвар, помявшись, отказался, а от дыма, густо пущенного Замирбеком, незаметно отворачивался. Может, бросил недавно, и теперь бережется. Не уберется – с такой-то работой.

– Узбек? – спросил Замирбек, из деликатности выдыхая в сторону.

– Уйгур, – сказал Анвар.

– Бишкек, Джелалабад?

– Ош.

– О, почти земляк, – обрадовался Замирбек. – Из самого или области?

– Столичный житель, ты что. Ош как есть. А ты?

– А я из Баткенской, Кызыл-Кия. Бывал?

– В Фергане бывал. Это же ваш пригород?

Замирбек захихикал и поперхнулся дымом. Откашлявшись, вытер глаза и спросил малость смутившегося Анвара:

– Чем занимался-то?

Был уверен, что не скажет, но как не спросить-то. Ошибся.

– Да я, Замирбек, инженер-технолог. Пятнадцать лет на хлопковых комбинатах работал, потом там худо стало, свою фирму организовал. А потом у меня дом сожгли.

– Кто? – удивился Замирбек, тут же понял и обругал себя.

Анвар пожал плечами.

– Ну, кто. Соседи, наверное. Там пол-улицы ушло – у меня справа киргиз жил, слева узбек, поди знай, кто кого первым...

Замирбек, пряча глаза, запалил вторую сигарету от бычка. Анвар спокойно продолжил:

– Слава богу, один жил – жена с детьми давно уехала, да дети и выросли уже. Ну, я по родне побегал немножко – без толку всё. И все говорят: в Россию давай, что как не мужик. Вот, приехал. Как мужик.

– Тут же как раз текстильная фабрика есть, – вспомнил Замирбек.

Анвар кивнул.

– Ага, был я там.

Подробности спрашивать не следовало.

– Да ладно, тут нормально, – сказал Замирбек. – Жить можно, столовая бесплатная, общага... Ну, ты вписался уже, да? Ну вот. Мартынюк хоть орет, но человек невредный.

Анвар что-то беззвучно пробормотал.

– Паспорт отобрал? – догадался Замирбек.

Тот неопределенно кивнул.

– Это нормально, не бойся. Вернет. У нас не рабство, по-человечески, несмотря что новые хозяева. И всё равно варианты выпадают. Вон у нас пацан, таджик один, без образования, на той неделе на стройку устроился, гипермаркет делают, быстро-быстро. Там деньги уже другие пойдут.

– А мне говорили, как раз здесь деньги, – озабоченно сказал Анвар. – Особенно теперь.

– В смысле – теперь? А, новый директор? Ну, друг, новый директор обычно, наоборот, платить всем перестает. Или увольняет.

Анвар сморщился. Замирбек засмеялся:

– Нас-то не уволят, не бойся. Вот рабочие задержались. Слухи ходят, всё производство будут менять. И инженера вернулись, которых еще Неушев уволил. Ну, который прежний хозяин, он в тюрьме сейчас. Жену и любовницу из ружья – бам-м, прикинь.

– По пьяни?

– Ну да. Хотя он не пил почти. А нынешний вообще не пьет. Его тут потому все и боятся – непонятно, говорят, чего ждать от такого, всё перевернет к чёрту.

На середине длинного описания разницы между бывшим директором, который всем помогал с квартирами-садиками решать, и нынешним, который ввел штрафы, усилил охрану и нагнал в цеха странный народ, Замирбек обнаружил, что ноги не чувствуются, а лоб как ороговел.

– Ох, заболтался. Дубак, шапку новую купить надо. Ты свою дорого брал?

Анвар нахмурился, вспоминая. Замирбек сказал:

– Да неважно, я всё равно без денег пока – домой побольше отослал, мама болеет. Ништяк, мы привычные, в горах холодней. Давай, Анвар, дальше таскать. Ты если устанешь с непривычки, говори.

Анвар широко улыбнулся, потянулся и бодро сказал:

– Нам, уйгурам, всё равно, что долбить-подтаскивать, что отдолбленное оттаскивать. Тем более после пятнадцати лет на вредном производстве.

Замирбек не понял, но согласился:

– Ну пошли оттаскивать.

И снова Анвар впахивал и не роптал. Замирбек даже задумался, не обстучать ли крыши уже сегодня, чтобы провести завтрашний день без напряжения. Но посмотрел на багровые мочки ушей, которые новичок растирал тайком, – и сжалился. Посмотрел на часы в телефоне – и охнул. С грохотом водрузил последний бак на место и сказал:

– Всё, хватит. Пошли обедать.

Обед дворникам обычно приносили в комнату отдыха охранников. Это не всегда было удобно, потому что сами охранники обедали в общей столовой, а к гостеванию дворников относились по-разному. Олег Большой, например, над чурками несмешно подшучивал, а местных чморил – каждый раз почти до драки. Лешу с Димой сдерживали размеры Олега, но Замирбек подозревал, что когда-нибудь не сдержат, и давно прикинул, куда лично он в этот миг исчезнет.

Сегодня, к счастью, дежурили Виталик с Артуром, парни не вредные. Особенно Артур – Замирбек подозревал, что он имеет какие-то корни типа киргизских, но напрямую спрашивать не решался. Фамилия-отчество у Артура были русскими, а глаза – ну, глаза тут у всех довольно разные, это не доказательство. То, что Артур относился к нерусским почти душевно,

тоже не доказательство – зато большая радость. Сегодня, например, он позвонил в столовку и попросил не нести еду, пока Замирбек не придет. А когда разносчица Ира принесла только один набор судков, Артур без всяких разбирательств и проверок велел немедленно тащить еще один, для приунывшего новичка. Дождался, пока принесут, высказался на тему мудака Мартынюка, пожелал приятного аппетита и вернулся в «аквариум», к пульта с экранчиками.

– О, поджарка! – обрадовался Замирбек. – Слушай, тут готовят – язык проглотишь. Вот, попробуй.

Уху Анвар обнюхал с удовольствием, а на второе уставился как на таракана.

– Давай-давай, – подбодрил Замирбек. – Это с виду так, а на вкус нежненько.

– А давай сам, – предложил Анвар, пододвинул ему судок, отхлебнул уху, довольно хмыкнул и участил движения ложкой.

Замирбек смутился, потом понял:

– Ты свинину не ешь?

Анвар повел плечом.

Вот деревня, покровительственно подумал Замирбек, и назидательно сказал:

– Анвар, тут сдохнешь так. Тут все едят – и нам можно, иначе не выжить, понял?

– Не сдохну, – оторвавшись от супа, ответил Анвар – так не по-деревенски, что Замирбек вздрогнул.

Ну как хочешь, подумал Замирбек и потянул судок к себе. Посмотрим, как ты через недельку запоешь.

Анвар, поскрежетав по дну, попыхтев и оглядевшись, высказался по поводу того, как тут славно всё устроено. Замирбек оторвался от поджарки и объяснил, что ночуют здесь нечасто, у охраны своя общага, на Гагарина, с работягами вместе – туда фиг вступишься, даже не мечтай. И зачавкал, наверстывая.

Едва он почал неожиданную добавку, Анвар, допив компот, почти незаметно обмахнул лицо ладонями и сказал:

– Ох, спасибо, друг. Никакого второго не надо. А где тут туалет, не подскажешь?

Замирбек промычал, что сейчас покажет, и начал вставать. Новичок торопливо сказал:

– Не-не, ты так скажи. Через охрану пройти можно? Хорошо, я у них и спрошу. А потом к Мартынюку. Там еще уладить надо, ты не жди.

Замирбек некоторое время прислушивался к звукам за дверью – Артур-то ладно, а Виталик мог и залупиться на тему «Я же внятно предупреждал новичков на территорию без сопровождения не впускать». Но залупаться он не стал, а стал смеяться. Насколько слышал Замирбек, Анвар рассказал анекдот. По-русски он говорил куда громче и напористей, к тому же без акцента. Инженер, без зависти подумал Замирбек. Чтоб тебе это пригодилось. И вернулся к поджарке, пока не остыла.

От тепла и пережора Замирбек малость ословел и даже задремал. Проснулся рывком, взмокнувший снаружи и высохший внутри, допил компот, посмотрел на экранчик телефона – и охнул. Новичок шлялся где-то уже сорок минут. А может, давно вышел во двор и маялся там на холоде без дела, стесняясь вернуться на проходную.

Замирбек выглянул в «аквариум». Виталик мельком оглянулся на него и продолжил рассматривать мониторы наблюдения, на которых Анвара точно не было. Артур, подняв голову от сканвордов, удивился:

– Ты здесь еще?

– Ухожу как раз. Да мы там всё сделали уже, – негромко объяснил Замирбек.

Он потоптался, ожидая и опасаясь, что ребята спросят про Анвара. Не дождался, вышел во двор, потом за ворота, осмотрелся, подумал и вернулся на охрану.

– Артур, – сказал он нерешительно. – А новенький давно вышел?

Артур отвлекся от сканвордов и недовольно отметил:

– Не предупредил все-таки. Ну Мартынюк... Короче, там из хоздепа звонили, сказали, что новенького твоего забирают во второй цех, там что-то таскать-сбивать надо.

– Да он не умеет же ничего, давай-ка я... – всполошился Замирбек.

– Спокойно. Тебе сказали домой идти. В смысле, они тебя сперва взять хотели, но там что-то срочное, и оно твоей высочайшей квалификации, понимаешь, не требует. Так что новичок типа сам справится и домой пойдет. А ты прямо сейчас можешь идти. Так что свободен, земляк.

Замирбек пробормотал «спасибо», спохватился и уточнил:

– Это Мартынюк сказал?

– Ну, какой-то его там. Сергеев, что ли. Он прямо от трубки Мартынюка спросил – отпустить тебя, нет. Тот отпустил.

Замирбек кивнул и затоптался на месте.

Артур вдруг вспомнил:

– А мне этот новичок твой понравился. Ржачный такой и шарит вообще. Виталь, а? Как он про камеру у второй технички-то, а? У сортира полезней было бы, а?

Виталик недовольно буркнул и несколько раз щелкнул кнопкой под одним из экранов.

– Ну всё правильно сказал, – подытожил Артур. – В охране раньше работал, да?

– Н-нет. Не знаю, – сказал Замирбек и пошел во двор. Дождаться, если получится, ржачного и шарящего Анвара.

Не получилось, конечно.

Глава 2

Чулманск

Сергей Шестаков

Звонок так не совпадал с нормальной жизнью – если это вот можно назвать нормальной жизнью, – что Шестаков списал его на чудачества кураторов и просто забыл. Пока не напомнили.

Утро было удивительно спокойным, пока Шестаков его сам не разворошил. Взял и наорал на зама по общим вопросам из-за бардака на прилегающей территории. Шестаков орать не очень любил, но после двойного дня жестянщика в выходные даже пеший бросок от остановки вахтовика до проходной превращался в тай-цзи с акробатикой. А Захидов и сам радостно нарвался на встречный, вздумав вякать по поводу того, что завод дворников не нападется округу прибирать. Вот Шестаков и завелся. И про стоимость производственного травматизма рассказал, и личной ответственностью за каждого выбывшего из-за гололеда пролетария пригрозил, и прошлонеделную протечку крыши в третьем цеху припомнил для комплекта.

Захидов умчался бешеными петлями, как спугнутый заяц. Смотреть ему вслед оказалось приятно – и почти не стыдно. С волками жить, напомнил Шестаков уже себе – и начал пла-нерку.

Новости из директорской жизни разлетались по заводу со скоростью свиста. Зама и начальники цехов вступали в кабинет на манер запуганных медузами купальщиков, здоровались тихо и глаза держали долу (кроме пары необходимых старичков, на полставки работавших фрондерами). Шестаков в очередной раз напомнил себе уволить секретаршу и в очередной раз передумал, когда она принесла кофе. Может, у нее автомат особый, так что любая освоит, неуверенно подумал Шестаков – и постановил не отвлекаться на ерунду. И без того было на что отвлекаться.

Третий цех так и не выходил из режима пусконаладки. То есть формально подготовка завершилась, расконсервация оборудования прошла по инструкции и без эксцессов, выдернутые из слабооплачиваемой нирваны поставщики оборудования, поскрипев мозгами, рейсфедерами и что там у них еще участвовало в разработке комплексов АСУ, подтвердили штатность, а Жарков уверял, что модернизация и перевод управления на современную платформу подождут как не относящиеся к первой необходимости по целой куче причин, включая пресловутые военнотайные. Но Еремеев, бывший начальник третьего, настаивал, что оборудование еще не сыгралось и надо подождать. А сколько ждать, не говорил. И как ускорить сыгрывание – тоже. Шестаков сильно страдал от этого, а еще сильнее – оттого, что не мог Еремеева уволить. Во-первых, его с большим трудом выманили с пенсии. Во-вторых, он так и не согласился подписывать стандартный договор, поэтому оставался круглым неотставляемым и.о. В-третьих, Жарков после консультаций с московскими светилами поставил Еремеева первым в список неприкосновенных. Спасибо хоть список вышел коротеньким.

Сегодня Еремеев порадовал хотя бы тем, что третий цех, скорее всего, запустится в начале декабря. И.о. главного инженера опять насипел кучку оговорок, к тому же начало декабря было сроком, который Шестакову месяц назад мог явиться лишь во сне и в качестве завязки кровавого кошмара. Но Шестаков достаточно изучил ситуацию и Еремеева, чтобы увидеть в объявлении повод для радости. Довольно крупный повод.

Обход территории его в этом убедил. Шестаков начал с третьего – и обнаружил там чистоту, тишину и напряжение за стеклом. Десятки людей в голубых халатах вглядывались во что-то малозаметное, обнюхивали громоздкие, но вызывающие уважение, а не смех, приборы, обменивались короткими репликами и возвращались к чему-то непонятному и важному.

В голове всплыло забытое слово «юстировка». Шестаков гнал его, пока пытался разобрать, ваньку инженерный корпус валяет или действительно обеспечивает возрождение работоспособности цеха и обороноспособности родины. Наконец, Шестаков решил, что всё взаправду, кивнул, покосившись на страшно независимого Еремеева, – и вспомнил смысл слова. Глупо, но это Шестакова развеселило и успокоило.

Дальнейший обход усилил благодушный настрой. НТЦ бурлил и взрывал. Подъездные железнодорожные пути, закрытые прежним руководством, шустро расконсервировались, пережили экспресс-латание и со следующей недели могли обеспечить нормальное сообщение с узлом «Чулманск-3», что снимало массу проблем, связанных с поставками, отгрузкой, безопасностью и секретностью. Четвертая площадка, где находился так называемый технопарк, была очищена от сброда еще месяц назад. Ремонт шел в полный рост, и с нового года бизнес-центр по-любому будет готов принять нормальных арендаторов. Территория у ворот была вычищена на удивление, так что пара ядовитых замечаний, приготовленных для Захидова, пропала – вернее, была отложена до неизбежного следующего раза. А в первом и втором цеху всё было почти штатно. Загрузка, конечно, упала, пока новых работяг не набрали и не обучили хотя бы азам. Поднимется, наберут, обучат – в этом можно было не сомневаться.

Шестаков давно понял, что байки про уникальных специалистов и про пагубность жесткой кадровой политики – признак неэффективного менеджмента. Уникальных специалистов не бывает, место ушедшего немедленно займет новый, ничуть не хуже. И он, Шестаков Сергей Иванович, русский, беспартийный и злой, ставить условия не позволит ни менеджерам, ни пролетариям. Шестаков специально в первый же день провел собрание, на котором предложил трудовому коллективу исходить из того, что новое руководство – это навсегда, старое не вернется, завод – мой, а всякий, кому это не нравится, может уволиться немедленно.

Доля уволившихся оказалась все-таки выше, чем Шестаков рассчитывал: тридцать процентов во втором цеху, под шестьдесят – в первом, а менеджеров еще раньше почти полностью обновили. Не беда: завод вернулся к законным хозяевам ради третьего цеха, до разрухи числившегося основным и главным. В его границах любая динамика по сравнению с десятилетним простоем была положительной. Следовательно, Шестаков действовал в верном направлении. А первый и второй цеха его волновали даже меньше, чем арендные площади на Чернышевского.

В административно-бытовой корпус Шестаков вернулся, когда уже стемнело. В приемной было неожиданно свежо – арбузно не по сезону. Секретарша, упорно смотревшая в монитор, от щелчка двери вздрогнула.

– Простите, что разбудил, Людмила Петровна, – вежливо сказал Шестаков.

– Ох, что вы, Сергей Иванович. Вас человек ждет... Ждал... Ох, прошу прощения.

Секретарша поправила прическу и застыла с пальцами у виска.

– Людмила Петровна, вы в порядке? Что за человек?

Она проснулась и продолжила вроде по теме, но как-то невпопад:

– Да, он ушел. Приятный такой. Здесь был, сказал, что из главка.

И гаснущим тоном пробормотала:

– ...Из какого главка?

– Действительно, из какого главка? – подхватил Шестаков, теряя терпение.

– Я да, я могу, – сказала Людмила Петровна. – Он вот тут сидел, а потом сказал, что пойдет – ну и пошел, значит...

– Так, – сказал Шестаков и решительно обошел стол.

Секретарша снова вздрогнула, но напрасно – никаких игр на экране не было. Было начало официального письма сити-менеджеру с просьбой ускорить перевод первых этажей рабочих общаг в статус нежилых помещений. Была у Шестакова одна мысль в связи с этим.

– Ага, – сказал он, смягчаясь. – Да, формулировать тут тяжело. Давайте, Людмила Петровна, кофе попьем. Полегче станет, а? Сделаете?

– Да-да, конечно, – всполошенно согласилась секретарша.

Шестаков шагнул к кабинету, вспомнил утренний разговор с Жарковым и спросил:

– А человек тот не сказал, из какого главка он? Главк МВД, ЦРУ там или древнегреческий какой-нибудь?

– Нет-нет, – сказала секретарша с улыбкой и снова замерла, будто мучительно вспоминая.

Да что с ней такое сегодня, подумал Шестаков – и замер сам. Секретарша медленно произнесла:

– Он сказал – «Морриган».

Сдержаться, приказал себе Шестаков, но опоздал.

– Что?..

– Слово незнакомое, вот я и забыла, – радостно объяснила, тоже себе, Людмила Петровна, подняла глаза на начальника, усохла под его взглядом и сбивчиво повторила, судорожно пытаясь понять, ее-то вина в чем: – «Морриган», он сказал. Передайте, говорит, Сергей Ивановичу, что я по этому поводу заходил – и попозже зайду.

– Когда попозже?

– Не сказал. Попозже – и всё. А потом ушел – я и не заметила... Отвлеклась, что ли... – секретарша снова принялась бормотать.

– Кофе, – напомнил Шестаков и хлопнул дверью кабинета.

Некоторое время он размышлял, звонить ли Жаркову. Выходило, что звонить надо – но что говорить, было совершенно неясно. Приходил некто, брякнул импортное название проекта, в Чулманске никому не известное, и теперь я ой боюсь? Или Жарков именно об этом предупреждал с утра, когда невнятицу нес?

В охрану звякну, узнаю хоть, кто таков, решил Шестаков и потянулся к селектору – а тот ожил и сказал секретаршиным голосом:

– Сергей Иванович, с охраны звонят.

– Дурдом, – с выражением сказал Шестаков.

– Простите?

– Ничего. Что хотят?

– Говорят, пришли к вам, из конторы, спрашивают, пускать ли.

– Откуда-откуда?

– Из конторы, – секретарша понизила голос. – Ну, из КГБ, значит, ФСБ то есть.

– Ага, – сказал Шестаков. – Это, видать, ваш загадочный гость вернулся. Ну, пусть заходит.

– Хорошо. Сергей Иванович, кофе готов.

– Ну, давайте гостю тоже предложим. Наберется там? Вот и хорошо.

Через пару минут Людмила Петровна, мягко постучав, вошла в кабинет и сказала:

– Сергей Иванович, к вам товарищ. Из Москвы.

– Из Москвы даже, – уважительно сказал Шестаков и вполголоса уточнил: – Тот, что ли?

Людмила Петровна, покосившись за спину, отчаянно помотала начесом.

– Эвона как, – сказал Шестаков, откидываясь на спинку кресла. – Тогда я... Ладно. Простите.

Вот о чем Жарков-то говорил, подумал он. Надо было все-таки звякнуть. Впрочем, успеем. Сперва выясню, что этому надо.

Гость был молод, крепок, весел, лыс – и, в отличие от большинства московских гостей, не проодеколонен насквозь. Он пожал Шестакову руку и представился:

– Матвеев, Денис, Федеральная служба безопасности. Спасибо, что приняли.

– Вас поди не прими, – пробурчал Шестаков, дождался, пока погаснет ответная вспышка чистой радости, и поинтересовался: – Чай, кофе?

– Да при таком запахе разве выбор есть? – удивился Матвеев. – Кофе, конечно.

Шестаков распорядился и, пока Людмила Петровна не внесла поднос, ожидающе смотрел на Матвеева. Матвеев сдержанно поблескивал макушкой и улыбкой. Пригубили оба, не дожидаясь ухода секретарши. Шестаков кивнул, Матвеев замычал и стал говорить разные слова. Секретарша воссияла ярче лысины гостя.

– Спасибо, Людмила Петровна, – сказал Шестаков. – Харсееву скажите, что я буду свободен минут через двадцать. Так, Денис, э?..

– Валерьевич, – не отрывая чашки от лица, а благодарного взгляда – от удаляющейся секретарши, сказал Матвеев. – Но лучше просто Денис. Да, полагаю, минут двадцать, не больше.

– Хорошо. Излагайте.

Матвеев кивнул, звучно всосал остатки, показав губами, как ему вкусно, бережно поставил чашку и сказал:

– Сергей Иванович, я понимаю, вы человек здесь новый. Но потому ваша оценка как минимум непредвзята. У меня нетривиальный такой вопрос: насколько завод защищен от чужого внимания и влияния?

Шестаков хмуро спросил:

– Удостоверение ваше можно посмотреть?

– Безусловно.

Матвеев встал, шагнул к генеральному и поднес удостоверение к самым его глазам. Перехватить не позволил – и улыбнулся, извиняясь.

Шестаков вздохнул, не спеша надел очки, внимательно изучил документ, сличив портрет с моделью, и отметил, снимая очки:

– Тут отдел и специализация не указаны.

– Не положено, – сказал Матвеев, убираясь в кресло вместе с документом. – Но промышленная безопасность в мои обязанности входит, если вы об этом.

– И вы, получается, за всю страну... Ну ладно. Допустим. Теперь по поводу чужих. Кто интересуется, конкретней: смежники, шпионы, инвесторы – кто?

Матвеев поднял брови и спокойно уточнил:

– А все в наличии, что ли? Вот все и интересуют.

– Тогда вам не ко мне. Шпионами и диверсантами зам по общим и безопасности занимается, инвесторами – финансовый, смежниками – снабжение и главинж. Я их сейчас предупрежу. И они квалифицированно...

– Сергей Иванович, Сергей Иванович, стоп. Прошу прощения – я с ними, будет нужда, непременно пообщаюсь. Мне хочется ваше мнение узнать.

– Хочется, – пробормотал Шестаков, но решил сдержать раздражение. – Знаете что, Денис, э...

– Просто Денис.

– Валерьевич, – упрямо вспомнил Шестаков. – Я человек, скажем так, государственный. Передо мной конкретную задачу поставили и конкретные сроки. Я должен ее решить и уложиться. Я этим и занимаюсь. Мне отвлекаться на сказки, оправдания и шпионские истории – некогда.

– И все-таки...

– И все-таки давайте я для краткости объясню: лично я никакого чужого воздействия на мой завод не ощущал и не ощущаю. Если вы, конечно, не считаете, э... ну вот мой приход сюда и в целом наведение здесь элементарного порядка как раз чужим влиянием. Надеюсь на это, понимаете?

– О да. Я вас правильно понял – здесь это довольно распространенная точка зрения?

– А меня это не волнует, – с искренним удовольствием сообщил Шестаков. – Точка зрения, глас народа, любимый дедушка – это всё не моя забота.

– Распространенная, – сказал Матвеев как бы про себя.

Шестаков, закинув руки за голову, немного поразглядывал собеседника и вполголоса объяснил:

– Молодой человек. Народ – он как баба. Любит того, кто имеет. Физиология такая. Через полгода, если меня переведут куда, хоть в «Газпром» начальником, ползавода будет плакать и кричать, что кровиночку обидели, а предприятие дьяволу отдали. Даже если этот Неушев вернется – ему предъявят ровно то, что мне предъявляют. А-а-а, губят дело всей жизни, всех людей, не допустим, а-а-а. На это оглядываться – себя не уважать. Не советую.

– Спасибо. То есть вы считаете, что арест Неушева – это такой его перевод как бы в «Газпром».

– Не рекомендую меня раздражать, Денис Валерьевич. Смысла и пользы нет. Я предпочитаю сам выбирать поводы для раздражения.

Матвеев смущенно засмеялся.

– Да я и не пытался, выразился неудачно. Тут кругом все говорят, что Неушев из этого кресла в СИЗО буквально переводом и отправился.

– Я если жену и любовницу грохну... Тьфу-тьфу-тьфу... В общем, а кто бы не отправился-то? И при чем тут перевод? – осведомился Шестаков, не меняя расслабленной позы.

Матвеев пожал плечами и, явно кого-то пародируя, сообщил с чужими интонациями:

– Неушев рулил заводом сто лет, ОМГ попросила его подвинуться, он уперся, тут же удачно сошел с ума, убил всех вокруг – и ОМГ забрала «Потребтехнику».

– Кровавый режим как есть. ФСБ взрывала дома в Москве, как говорится, да? Вам виднее.

– А вам?

Шестаков тонко улыбнулся.

– У меня вот такой корочки нет, как у вас, чтобы рассуждать. И ей-богу, вы бы лучше с коллегами своими местными пообщались. А я ничего увлекательного не скажу. Убил – сел, больше ничего не знаю. И не сильно интересуюсь. А случайно он именно сейчас свихнулся, специально или еще как – это вопрос не ко мне.

– Да у меня пока и вопроса такого нет.

– Пока?

– Пока, Сергей Иванович. То есть, прошу прощения, до свидания и всего вам хорошего, – сказал Матвеев, вставая.

Руку он подавать не стал – да и Шестаков специально продолжал держать пальцы на заправке, хоть они и занемели, кажется.

Уже от двери Матвеев спросил:

– Так я могу с вашими замами пообщаться?

– Да вы всё можете, – весело воскликнул Шестаков, с облегчением разводя руками. – Мой завод – ваш завод. Как говорится, что душевнее угодно и в любой последовательности.

Он отжал кнопку и попросил Людмилу Петровну организовать встречи товарища со всеми, с кем тому будет угодно.

Матвеев душевно поблагодарил – и притворил открытую было дверь, потому что услышал:

– Вы, кстати, один приехали?

– В смысле?

– Ну, может, с бригадой, и по очереди ходите.

– Ну, я все-таки не из Генпрокуратуры, чтобы толпой сразу, – рассмеялся Матвеев. – Сапсэм один. Так что если вдруг чего надумаете или вспомните – мне и звоните, хорошо? Телефон я секретарше оставляю.

Шестаков улыбнулся и отвернулся к компьютеру. Дождался, пока мягко затворится дверь, потом, после недолгого бубнежа, совсем уже неслышно, вздохнет дверь приемной, а секретарша доложит, что чекист ушел к Еремееву.

И только после этого набрал Жаркова.

Глава 3

Чулманск – Москва

Денис Матвеев

Эти два дня вымотали дико – почти как последняя длинная командировка. Но там хоть более-менее ясно было, в чем подляна и что надо делать срочно, а с чем можно уже не торопиться. А тут ни фиги не понятно.

Чулманск оказался вполне ожидаемым городом-при-заводе – ну хорошо, большим городом при большом заводе. А люди там были какими-то неожиданными.

От «соседей»-то ничего иного ждать не приходилось. В городском отделе ФСБ приезжего москвича, как положено, встретили кривой рожей – и принялись терзаться разными подозрениями по поводу того, что это опять проверка с неминуемыми кадровыми и структурными выводами. Это было нормально. Но далее следовал этап «Точно не по нашу⁹ душу? Ну, тогда мы вам не мешаем». Везде следовал, кроме Чулманска. Майор из местного отдела успокоился даже быстрее обычного, но в равнодушие не впал, а упорно продолжал интересоваться, кого товарищ Матвеев знает там да с кем собирается повидаться тут. И явно не верил ни единому слову.

Остальные вели себя еще хуже. Они показывали бумаги, водили по местам убойной славы и затапливали информацией – но самого поганого разбора. Врали, хитрили, перебрасывали стрелки и кидали косяки куда подальше. Служивцы Неушева – на ментов, менты – на следков, следаки – на прокурорских, те – на родственников фигуранта и терпил, а родственников дома не случилось. Единственным исключением, по-своему неприятным, оказался преемник Неушева – он тоже кидал косяки, но хоть не врал и не хитрил.

Все косяки упирались, как положено, в Москву. Спрашивается, чего приезжал. С другой стороны, как было не приехать-то. И как было не уехать – с чистой совестью и пустотой в секторах сознания, отвечающих за творческие планы и уверенность в будущем.

Хотя бы убедился, что ОМГ, что Жарков и что всё неслучайно. Ну и хватит для начала.

Жарков долго ломался и передавал через секретаршу, что лучше бы на той неделе, потом начал явственно врать про срочную командировку. Принять согласился нехотя, в несуразное время и на пятнадцать минут, которые выкроит до важной встречи с инопартнерами.

Какие там инопартнеры бывают у ОМГ, да еще без пятнадцати десять вечера, выяснять было неохота. Положение обязывало, но куда больше оно обязывало продвигаться по основной теме, хоть миллиметровым ползком – и тут уж было не до частных дел.

Их и без того было выше крыши, частных дел-то – и в Чулманске, и в дороге, и в Москве. Приходилось организовывать билеты, совать всем в нос различные корки, пересаживаться из машины в метро, делать солидные концы пешком, вернее, бегом, и всё равно безнадежно опаздывать, звонить с просьбой задержать самолет-состав-машину-планету на пару минут, выслушивать очередную утомленную отповедь, звереть и успевать в последний миг.

В ОМГ он тоже успел, хоть уже и не чаял. Был нормальный московский вторник. Трафик встал неподвижной кольчугой, не способной ни двинуться, ни позволить выпасть из себя ни единому звену – а только вонять выхлопами, слепить стоп-сигналами и иногда истерически гудеть. Когда выдраться из второго ряда все-таки удалось, оказалось, что нереально припарковаться или свернуть на второстепенную. Когда получилось – по бордюрам, замерзшим газонам и почти что по пешеходам – прорваться в незнакомый дворик, место нашлось самое стремное,

⁹ Жаргонное наименование сотрудников ФСБ (используется, как правило, сотрудниками других силовых структур).

за мусорными баками, а метро закопалось в семи трамвайных остановках, причем трамваи не ходили из-за забивших пути машин. А в метро был фарш – оптовая замороженная партия.

Тем не менее, до особнячка на Садовой-Кудринской удалось добраться почти живым, относительно целым, не слишком взмокшим – и за десять минут до назначенного срока. Чтобы успокоиться – и тут же озвереть.

Особнячок был обнесен плотной оградой. Посреди ограды были сомкнутые ворота и калитка с будкой. В будке – бдительный дебил в черной униформе. Ворующий не минуты даже – часы чужих жизней. Он минуту рассматривал паспорт, сравнивал фото с оригиналом, читал вслух имя-отчество, строго, с уральской гнусавинкой, интересовался, а почему такое позднее время и точно ли господин заместитель генерального директора ждет гостя, старательно переписывал все данные в толстую тетрадь почерком пятиклассника-хорошиста, мучительно долго искал пропуск нужного образца и долго, тыкая вполне ухоженным, кстати, ногтем в целлулоид, объяснял, что надо не в карман сунуть, а непременно нацепить на лацкан или воротник, вот прямо сейчас, под пальто, и не снимать, пока не покинете здание. Можно было сказать ему пару ласковых или пригрозить начальством – но это затянуло бы процедуру. А так – дождался многозначительного «Удачи, Денис Валерьевич», мотнул головой и быстро пошел мимо заснеженных елок.

В особняке за елками, как ни смешно, тоже бдел дебил, на сей раз в цивильном костюме (впрочем, стоимостью не сильно превосходящем униформу чоповца-вратаря). Он еще раз проверил паспорт Матвеева, игнорируя шипение и тычки в старательно прицепленный к лацкану гостевой пропуск, – но таки удовлетворился и даже выделил провожатого в таком же черном костюме.

Получилось тик в тик, как в королевской Англии. Даже в просторной и пустой, кстати, приемной посидеть не удалось – Жарков увидел сквозь раскрытую дверь, сложно махнул рукой, приглашая гостя раздеваться-проходить и отпуская провожатого.

Разговор тоже получился вполне английским. Кэрролловским даже.

Жарков смахивал на отставного полковника, строгого, но справедливого – и с приглашенной бровями искоркой. Он тепло поприветствовал, еще теплее попросил документы, охотно порадовавшись утомленной реакции собеседника, со вкусом прочитал имя-отчество – корпоративная традиция у них такая, что ли, – осведомился, чем может быть полезен, на десятой буквально секунде кивнул и начал вещать.

Дорогой Денис Валерьевич, вещал он, стратегические интересы страны, вещал он, и Чулманск – существенная часть этих интересов, вещал он. Останавливался, с непонятной иронией оглядывал гостя и продолжал: завод должен работать, прежний владелец этому противился – противился, следовательно, национальным интересам, а это вредно и ненужно. Стало быть, его нынешнее местопребывание юридически и исторически обусловлено и неизбежно. Кто пойдет против национальных интересов? Я – нет. Вы, наверное, тоже – так, Денис Валерьевич?

Денис Валерьевич хотел поинтересоваться, а кто это так лихо определяет национальные интересы и сносит неинтересы, – но это было лишним. Он спросил про другое: а что, если развитие ситуации в Чулманске не устраняет ущемление национальных интересов, а переносит ущемление, ну, скажем, на другой бочок.

– Это как? – поинтересовался Жарков легко, но со значением. Недобрым.

– Ну, допустим – просто допустим, хорошо? – что Неушев, бывший владелец, не виноват, что внедрению «Морригана» он не сопротивлялся, а хотел всё сделать по правилам и чтобы, это, обеспечить надежность производства и продукта. Соответственно, нынешний, скажем, форсаж – он эту надежность подрывает, а следовательно, и национальные...

– Достаточно, – сказал Жарков с лицом, которое будто сроду не улыбалось. – Я вас услышал – и хочу предупредить: вы в минуте от нарушения конвенции.

– Простите?..

Жарков покусал губу, разглядывая собеседника, и снова сделал лицо умеющим смеяться.

– Ах вон как, – сказал он. – Хорошо. Лекции вам читать у меня ни права нет, ни времени – сейчас делегация подтянется, важные переговоры, так что уж простите. Вот вам короткий емкий совет: доложите начальству, скажите, что Жарков указал на опасность нарушения конвенции. Если начальство тоже не в курсе, пусть обратится по инстанции, под кем вы там – Аксучицем, нет, Тракеевым, скорее, так? И вот он пусть всё вам объяснит – ну или без объяснений приказ даст, не знаю уж, Леонид Александрович, как у вас в Лесу принято.

– Не понял, – сказал Соболев, холодея.

– Это нормально, – спокойно сообщил Жарков, вставая. – У вас начальник есть, непосредственный? Вот его и спросите. Всё, время. Всего хорошего.

Соболев еще пару секунд посидел перед человеком, который видел законспирированные ФИО сквозь документы прикрытия и небрежно швырялся фамилиями замдиректоров СВР, произнесение которых вслух было полновесным уголовным преступлением. Посидел, встал, кивнул и пошел.

От великой задумчивости он едва не забыл пальто, уже на лестнице пожалел, что вспомнил – иногда такие обоснованные возвращения оказываются полезными. Впрочем, Соболев понимал, что в оглушенном состоянии много пользы из деталей не извлечь. С уже свалившимися данными сладить бы.

Он попытался прийти в себя в вестибюле, неторопливо и тщательно одеваясь, хотел было отдать пропуск старательно смотревшей мимо охране, потом мстительно подумал, что фиг. У кого взял, тому и верну. А то ведь не выпустит еще, сообразил Соболев запоздало, хихикнул и снова сорвался в вычисления: откуда, зачем и что это значит.

Так увлекся, что чуть не проскочил будку охранника насквозь – остановил его турникет. В будке было пусто и тихо, за отсвечивающим стеклом криво светилась щель – видимо, там была подсобка. Кто-то трепался по-английски – негромко и вдали, на грани слышимости – вроде про то, что еще три дня пробудет в Канаде. Говор американский, откровенно восточный: Новая Англия – Мэн или Массачусетс, но не Нью-Йорк.

Охранник практикуется, мрачно подумал Соболев и рявкнул по-английски:

– Есть кто дома?

Из щели выкатился непонятный шум, а следом – давешний дебил, старательно подтягивающий штаны.

Ага, подумал Соболев, но переключаться было лень, и он продолжил по-бостонски:

– Сэр, могу ли я покинуть наконец сию гостеприимную обитель?

Дебил зыркнул из-под низкого козырька и спросил по-уральски:

– Выйти, что ли?

– Ауур, – с наслаждением подтвердил Соболев. Ему чего-то стало смешно.¹⁰

Дебил протянул руку.

Соболев хотел было хлопнуть ладонью о ладонь по-рэперски, но решил, что это уже перебор. Он вложил пропуск в не по сезону загорелую кисть, кивнул и вышел сквозь пыхнувший зеленым огоньком турникет.

За калиткой было ветрено и казалось сильно холодней, чем во дворе. Особенно холодно было закутанному мужику в ярком пуховике, который вертелся у ворот, вдувая в телефон клубы пара и длинные английские фразы. Натурально, бостонские.

Вот это пронизывающий эффект у чувака – сквозь две стены слышно, уважительно подумал Соболев, машинально соображая, чего янки так орет про ржавчину. А, это ж имя такое – Расти.

¹⁰ «Агась», разговорное выражение согласия на диалекте Новой Англии.

Амер прервался, сунул телефон в карман, повертел головой, отыскивая провожатого. Тот деликатно стоял поодаль в коротком пальто и вязаной шапке – как Соболев, в общем. «Сосед», как минимум.

Они внимательно оглядели друг друга, пока амер, путаясь в ногах и словах, которые считал русскими, пытался пройти в калитку, не сбив Соболева. Не врал Жарков про встречу – этого янки и ждал.

В голове у Соболева мгновенно возникли три блестящих плана вербовки или просто контакта с американцем, который, раз уж приперся в ОМГ, наверняка знал многое про оборонное машиностроение США и мог – чисто теоретически – частью знаний поделиться.

Соболев извинился и сделал шаг в сторону.

Не место, не время, не судьба.

Он отвел глаза от покачивающейся калитки, поднял шарф повыше и зашагал к метро.

Слежки он не заметил. Без средств импульсного перехвата это было нереально.

Глава 4

Москва

Адам Дарски

В ноябре в России темно, холодно и случаются революции. Это всё, что Адам знал про ноябрьскую Россию. Знал, верил – и совершенно не собирался проверять. Но сработал фактор мастера.

Фактор был трудноописуем, как стиль всякого классного игрока, а от противного описывался незамысловато: «Нормальные люди так не делают». Но у нормального человека обороты не росли на 30 % в год, особенно в плотном и специфическом бизнесе безопасности. У «Воро Security» – росли. А в прошлом дохлом году, когда все сели на копчик ровно и старались не дышать, выросли на 54 %. Мастер не сидел, а метался по всему миру – и Адама метал так, что тот за неполный год выправил золотую карточку.

Мастер позвонил из Канады – и, не включив изображение, хотя скайп позволял, сообщил, что тут всё гладко, но требуется еще несколько дней, а тем временем надо расковырять русскую тему – так что отправляйся, солдат, в Москву...

Мы же принципиально не работаем с Россией, ты сам в 2008-м запретил, возмутился Адам. Мастер хладнокровно ответил, что бывают исключения, подтверждающие правила, и сейчас, под его чутким руководством, происходит именно такое исключение. А чего в Москву, а не сразу в Чудо... Челябинск... Чулманск, осведомился Адам, попутно утвердившись в мысли, что исследователи, удивлявшиеся заковыристости русской души, не пробовали говорить по-русски. А вот в Чулманск – ни в коем случае, сказал мастер тоном немецкого капрала, и приступил к чуткому руководству.

Адам слушал полминуты, потом замотал головой и громко предложил: «Может, по почте?».

«Это испытание, солдат», – громыхнул мастер в трубку, привычно проигнорировал ответный гром и продолжил неторопливо швыряться именами, городами и тезисами.

Адам, оскалившись, писал на диктофон. Потом всё стер, чтобы по-честному. Пару пунктов проверил, с совершенно удовлетворительным результатом.

Но сперва, понятно, завершил разговор с мастером – естественным вопросом: «Мастер, а если пошлют?».

«Не пошлют, – сказал мастер. – Узнай телефон Жаркова, звони прямо ему в приемную через сорок минут, у них как раз рабочий день начинается».

У Адама день как раз заканчивался, причем не рабочий, а календарный. Напоминать об этом было глупо, оставалось выполнять – и надеяться, что все-таки пошлют.

Какое там. Вот за это Адам ненавидел мастера особенно тепло и нежно – за то, что, гад, не ошибается. Волноваться пришлось всего пару минут, пока его соединяли с Жарковым, до работы, между прочим, еще не добредшим. Потом с Адамом общались как с давно потерянным дедушкой-миллионером – и по телефону, и по почте, куда он отправил подготовленный, оказывается, мастером проект декларации о намерениях. Русские так пылко возжелали принять на себя расходы, связанные с проездом и проживанием, что Адам устоял лишь из-за категорических инструкций мастера. Зато не устоял перед приглашением приехать, увидеть настоящую Россию и договориться о чем возможно, а по остальным вопросам определить параметры дальнейших переговоров. Таковы были инструкции, опять же.

То есть сначала Адам не поверил, что ехать надо прямо сейчас. Мастер о такой возможности предупреждал, но это же мастер, а нормальные люди так не делают. Русские, понятно, тоже ненормальные, но по-другому. У них и пословица есть про медленные сборы и быструю

езду. Русский военный концерт – не коммерческая радиостанция «Кинг Сити», Орегон, приглашать первого дозвонившегося в гости, да немедленно, ему не полагается. Но Жарков пригласил, наобещал, ничего не требуя взамен, и был ласков до омерзения – так, что Адам дрогнул, решил не ехать и позвонил мастеру с твердым намерением отговорить. Может, даже без основания. Сейчас не холодная война, но мир довольно холодный, особенно в России. И проверять это лишний раз никому не – ну и так далее.

В скайпе мастера не было, а звонок он сбросил. Толком разозлиться Адам не успел: мастер перезвонил через пять минут, и первые пятнадцать секунд даже слушал. Потом начал говорить. Немного спустя – можно было сказать точнее, но не хотелось даже глазами возвращаться к чему бы то ни было, связанному с этой беседой, – Адам пятый и совсем уже нервный раз воскликнул: «Ладно, ладно, сделаю!», нажал отбой, порычал на низкую луну и набрал Москву.

Новый рабочий день мог оказаться бесконечным, а оказался многоконечным. Точнее Адам сказать не мог, потому что сбился со счета на третьем, кажется, конце. Первый он опрометчиво обозначил, когда завершил переговоры с оформлениями, за пять минут доехал сквозь синюю пустоту и желтое мигание светофоров до дома и вырубился, едва покинув душ. Второй очевидный конец вахте пришел вскоре после обеда, который Адам раздраженно пропустил, потому что надо было добить и отправить в инженерный корпус итоговый меморандум по согласованному техзаданию. Адам это сделал – и мог чувствовать себя свободным аж до аэропорта. Третье очевидное завершение рабочего дня случилось в самолете, отправлявшемся в завтрашний день, который досрочно наступил в Старом Свете – вопреки старости света, репутации России и здравому смыслу. Адам смолот пресный ужин из морепродуктов, посмотрел вслед жгучей стюардессе, подумал, что было бы неплохо, – и проснулся от ее вопроса про предпосадочную выпивку. Вообще, такие вопросы были лучшим будильником, но не при двух сотнях свидетелей.

Очередной календарный перескок Адам едва не устроил себе, выглянув в иллюминатор. Он был готов к снегу – но к такому поди приготовься. Снег не шел, он был. Везде. И выглядел не по-рождественски и даже не по-арктически. Он был тусклым, подержанным и безнадежным, как в европейском фильме про Первую мировую войну. Выходить в него не хотелось. Хотелось завернуться в плед и, не вылезая, потихоньку дожидаться обратного рейса. Ну или хотя бы вознаградить себя беседой со стюардессой – чтобы она упраскивала, а Адам обаятельно капризничал. Но вместо пуэртиканки подошла квадратная азиатка с такой умелой улыбкой, что снег на ее фоне показался довольно привлекательным. Адам молча собрался и выскочил в объятия русской зимы.

Ради Адама русская зима приняла облик похожего на профессионала-средневеса парня при табличке, дешевом галстуке и плохом, но понятном английском. Сергей деловито свез Адама в гостиницу и дождался – не исключено, что под дверью, – пока тот отметит очередную кончину дня душем и коротким пересыпом. Потом, почти не интересуясь мнением дорогого гостя, выгулял его до ресторана русской кухни, где Адам честно отказался от всего, но всё равно налопался до треска в боках. Треск был, кажется, натуральным. В ресторане-то его скрадывал вездесущий лаунж, а вот в джипе угрожающие звуки разнеслись, кажется, на весь салон. Адам не успел толком постесняться: вырубился. Потом вырубился еще раз и еще раз. Наконец осознал, что выспался окончательно, с силой потер лицо ладонями и спросил:

– Долго еще?

Сергей повел плечом и сказал что-то не по-английски, но, кажется, и не по-русски.

Адам завозился, потянулся, огляделся, охнул и спросил:

– А давно едем?

– Давно, – со вздохом признался Сергей.

Адам посмотрел на часы и охнул снова. Ехали полтора часа.

Впрочем, «ехали» было слишком сильным термином. Машина стояла. Насколько подсказывало подсознание, стояла она и раньше. И все-все-все машины вокруг стояли, как голодные крепостные, еще не родившие концепцию бунта. Вокруг салона специально для Адама раскинулся флаг исторической родины – рубиновый свет справа и вперед до дырки тоннеля, белое полыхание слева и вперед до дырки тоннеля. Салон джипа, несмотря на фильтры и неумеренные ароматизаторы, сам превращался в дырку тоннеля, душного и загазованного.

– Вторник, – сказал Сергей, будто это всё объясняло.

Возможно, это действительно всё объясняло.

Днем Адам убедился, что водил Сергей мастерски и втискивал «Lexus» в щель, скудную даже для малолитражки. Но сейчас разогнаться не смог бы не то что велосипедист – голодной Дюймовочке пришлось бы выступать с оглядкой и недолго.

Пару раз Сергей победил пространство, время и логику сказки вместе с правилами дорожного движения. Он сумел продраться в правый ряд, влезть парой колес на скользкий бордюр и сделать сотню метров по тротуару и почти по проехим. Прохожие спокойно уворачивались, как от привычной помехи. Адам был непривычным, но предпочел зажмуриться и откинуться на спинку, чтобы удержать равновесие в перекошенном салоне и не увидеть лишнего.

Надолго его не хватило. Сергея, впрочем, тоже. Джип, мягко качнувшись, остановился в дюйме от запорошенного снегом и страшно неуместного здесь и сейчас «Mercedes»-купе. «Mercedes» был припаркован, как и еще десяток машин перед ним.

Сергей извлек откуда-то снизу мигалку вполне полицейского вида, опустил окно и постучал мигалкой в черное стекло урчавшего рядом внедорожника, близнеца «Lexus», в котором сидели Сергей с Адамом. В Штатах такие были отличительным признаком всасываемых климатом университетских профессоров. Стекло опустилось. Водитель соседнего внедорожника улыбнулся, пошарил под пассажирским сиденьем, извлек оттуда мигалку – тоже близнеца – и показал ее Сергею.

Стекло поднялось. Сергей закрыл окно, повертел мигалку в руках, что-то пробормотал и спрятал обратно. Повернулся к Адаму и виновато сказал:

– Видите, дорога занята, а мы опаздываем. Может, предпочтем пеший переход?

«Предпочтем» Адама умилило, ситуация в целом – позабавила, к тому же он терпеть не мог злостных нарушителей дорожных правил. Но уточнить все-таки было нелишне:

– А идти далеко?

– Нет-нет, здесь рядом. Около... нет, если в футах... в ярдах... Полмили, не больше.

Получилось, может, и меньше. Правда, идти Адаму и Сергею пришлось так извилисто и быстро, да с таким скольжением, что было уже не до измерений. Но на часы Адам смотрел – и зафиксировал, что дорога отняла двадцать минут, причем в последние десять темп пришлось сбросить – после того как Адам все-таки грохнулся. К счастью, на выставленные ладони и не больно.

– Москва, – сказал Сергей тем же объясняюще-извиняющимся тоном, что и давеча про вторник. Адам извинение понял и принял безоговорочно, но зарубил спросить с мастера за такую командировку по максимуму.

Тут Сергей, перестав обозначать утомившую уже поддержку под локоток высокого и падучего гостя, сказал:

– Всё, пришли, нам сюда, – и показал на ворота в глухом заборе старинного вида. – Вот ОМГ.

ОМГ, в рифму охнул Адам, с ужасом вспомнив, что забыл позвонить мастеру. Тот просил связаться для последнего инструктажа минимум за полчаса до встречи с Жарковым – но Адам это дело заснул и зашагал, и вспомнил только сейчас. Лучше поздно, упрямо подумал он, извинился перед Сергеем и достал телефон.

Мастер на сей раз ответил сразу, риторически подивился ночному часу, выбранному для встречи, и деловито принялся вталкивать в Адама оба сценария разговора, расписанные по репликам и чуть ли не по вздохам. Адам внимательно и бестрепетно выслушал все эти «А когда он скажет, что раз так, то нет и смысла в беседе, ты скажешь, что с прежним руководством смысл был очевиден – с семидесятипроцентной локализацией производства и выходом на готовую продукцию в течение двух лет», подтвердил, что всё понял, и, покосившись на деликатно отошедшего Сергея, вполголоса рявкнул, что да-да, про передачу документации непременно скажу, впроброс, но четко. И поинтересовался, почему всем этим надо заниматься именно сейчас. Да я верю, верю, и твоим данным, и твоим источникам. Но раз они велят придавать первоочередное значение и форсировать, чего ж ты сам всем не занялся, а меня как флэшку используешь? Да я помню, что ты в Канаде и минимум неделю – я не понимаю, с какого бодуна возникла Канада и почему нельзя ее было отложить, раз нам так стратегически необходима Москва? Про Канаду ты ни разу не говорил, и никаких наших интересов там я не припомню. А, Расти? Расти?

Расти молчал. Адам посмотрел на экранчик, потом вслушался: сигнал шел, в динамике что-то шуршало, шевелилось и неразборчиво восклицало. Адам послушал еще немного, пожал плечами и решил заканчивать разговор. Топтание на месте не грело, да и Сергей из деликатного удаления довольно выразительно поглядывал то на подопечного, то на часы. Адам сам глянул на часы – и выразительность остро оценил, но для очистки совести все-таки сообщил в трубку, что всё понял, всё запомнил, так что не беспокойся, о результате отчитаюсь, давай, Расти, до связи.

Адам рванул к дверце рядом с воротами, едва не сбив подвернувшегося плотного парня, одетого как советский диссидент из голливудского фильма, извинился, использовав половину известных ему русских слов, юркнул в будку, где было не теплей, но темней, чем на улице, – и тут телефон запел изувеченным Синатрой. Расти в свое время назначил Адама невольным исполнителем «My Way», а Адам в ответ и в память о британских корнях заставил мастера звонить секс-пистолзовской переделкой того же хита. Сперва это веселило Адама, потом он привык, а теперь испугался. Он слабо представлял, можно ли пользоваться мобильными телефонами на контрольных пунктах русских военных концернов, поэтому выдернул телефон и нажал кнопку приема со скоростью Уайетта Эрпа. И едва не выронил трубку, потому что мастер рявкнул во весь голос и чуть ли не в объемном звучании:

– Адам, ты где сейчас?

Адам вздрогнул, затравленно оглянулся и отчаянно прошипел – кажется, на пол-Москвы:

– Расти, всё, я уже вхожу за их периметр, потом перезвоню!

Снова сунул телефон в карман, даже не выключив, и долго не мог понять, что же не так. Очень многое было не так.

Контрольный пункт представлял собой коридорчик с турникетом, торчащим из неказистой кабинки – примерно из такой в детстве Адама жирный Сарни торговал жуткими сэндвичами, хотя арестовали его не за них, а за толкание крэка. В России полиция тоже была на высоте: в кабинке не оказалось ни Сарни, ни его местного аналога, ни кого бы то ни было. Адам объяснил это себе поздним часом, тем более что турникет горел зеленым. Втиснувшийся следом Сергей, похоже, так не считал. Он постучал по стеклу, всматриваясь в засвеченную щель, крикнул, видимо, имя, которое Адам не разобрал. Просунул руку в окошко, что-то там с трудом переключил и коротко переговорил по селектору из неудобной позиции. Адам прошел через турникет, вроде понял, в чем странность, сделал уже шаг назад, но потерял мысль: Сергей вернулся в нормальное положение, неловко улыбнулся и пригласил продолжить путь, потому что время.

И с Жарковым всё оказалось не так. Адам готовился увидеть или зловещего мозгляка, или лоснящегося борова под охраной десятка головорезов. Но вице-президент ОМГ был один,

внешность имел крайне интеллектуальную и утомленную, а общался на диковинном английском с головокружительным запасом слов, казенным построением фраз и жутким произношением – даже не славянским, а каким-то древнегерманским. Адам решил на этом фоне славянскими богатствами не сверкать. Но Жарков сам осведомился:

– Вы не из русских будете?

– В какой-то степени, – ответил Дарски, широко улыбаясь и впадая в счастье от того, что его не слышит деда Джо, он же дядя Юзеф. Дедушка любимого Адамека за такой ответ удавил бы. Руками. Из-под земли. Быстро и наверняка.

Не так вышло и с беседой. Адам верил, конечно, в умение мастера смотреть на пять шагов вперед и влезать в головы незнакомых людей. Но до откровенного камлания «Если он скажет так, то ты скажи вот так», да еще всего с двумя-тремя вариантами развития событий, мастер раньше не опускался. А Адам не насиловал память, исходя из того, что безупречно сцепленные, логически обусловленные и лексически совершенные последовательности Расти Харриса распадутся стаканчиком конфетти на второй секунде живого диалога.

Пришлось не насиловать даже, а драть в условиях, приближенных к боевым. Потому что разговор пошел по сценарию номер два, агрессивно кооперационному, – и достиг пика, когда Жарков, потеряв висок, сказал: «Раз так, то нет и смысла в беседе». Адам, холодея, улыбнулся – и почти без запинки повторил за ожившим в височной доле голосом мастера: «Очень жаль. С Неушевым мы видели вполне определенный смысл: семидесятипроцентную локализацию производства и выход на готовую продукцию в течение двух лет».

Жарков улыбнулся так широко, что Адама махом, с занемевшей макушки до отсыревших пяток, ошпарили все слышанные и читанные ужасы про русский бизнес, бандитский режим и методы КГБ. Но то ли взыграла шляхетская кровь, то ли подействовали камлания – или раз в жизни ступор накрыл вовремя. Адам заулыбался в ответ, лихорадочно соображая, куда бежать и кому звонить в случае чего – даже телефон посольства не выписал, дурак.

Жарков убрал улыбку, по-лошадиному выдохнул и сказал почти жалобно: «Неушев, Неушев. Будто мимо него дороги не ходят. Ну хорошо, давайте считать, что я это понял и зафиксировал как существенное условие. Попробуем рассмотреть остальные условия и результаты».

И собеседники соскочили в сценарий номер один, по которому благополучно мчались минут пятнадцать. Надо очень хорошо знать людей – не людей вообще, а вот этих конкретных, или хотя бы социальную группу, к которой они принадлежат, их повадки, манеры, ценности и вокабуляр, – чтобы так точно вырезать будущее из невнятного прошлого, вяло размышлял Адам, пока оперативная память выщелкивала из него одну за другой готовенькие реплики – как пули из обоймы. Мастер этих людей и группы не знал и знать не мог, никак. Значит, он был все-таки гений. Что и требовалось доказать.

Даже обидно немножко.

Предписанный сценарий финишировал предписанным взаимным удовлетворением и ритуальным обменом предписанными же обещаниями. Жарков настаивал не на недельном, а на трехдневном сроке подготовки первой документации, зато легко согласился именно с двухнедельным паллиативом, а потом, как и предсказывал мастер, предложил гостю окунуться в кипящую жизнь вечно юной Москвы.

Прошедший день был достаточно длинным и странным, чтобы растягивать его еще и кипящими удовольствиями. Это понимал даже вечно разъедающий Адама тестостерон, который на сей раз булькнул чисто символически и обрадованно затих на первом же слог древней формулы «В следующий раз – непременно». Уезжать, в конце концов, он пока не собирался. Жарков это понял и пообещал вернуться к теме завтра. Весьма многозначительно пообещал.

В радости от того, что всё сделал как надо, а также в переигрывании предварительных треволнений Адам провел всю дорогу, теперь удивительно короткую, до джипа и гостиницы. Он напрочь забыл про глодавшую его странность недавнего ощущения. Тепло распрощался

с Сергеем, принял душ, напевая и сдержанно сожалея о своей утомляемости, опасливости и моральной устойчивости, и почти уже решил отринуть глупые страхи – но постель была безобразно широкой и мягкой... Полежу пять минут, а там и с грехами определимся, подумал Адам, присел – и вскинулся уже глубокой по всем меркам ночью. За разноцветно озаренным с улицы окном падали крупные перья снега, в комнате густо стояла тишина, изредка надрываемая ширканьем автомобилей, а в голове такую же густую тишину надрывало со всех сторон бессмысленное словосочетание «Объемное звучание».

Нет, не бессмысленное.

Телефон Адама не поддерживал объемного звучания. Он племяннице на день рождения такой вручил, а сам был человеком взрослым, серьезным, немзыкальным и с острым слухом – потому купил стандартный смартфон. А голос мастера в той будке доносился с обеих сторон. Функция объемного звучания возникла в стандартном смартфоне самостоятельно. Каким-то чудом.

Если не допускать, что чуда не было, а мастер звонил Адаму, стоя в паре шагов от него. В будке, например.

Адам некоторое время поразмышлял о Канаде, России, кагэбэшниках, скрытых технических возможностях и прочих чудесах. Протянул было руку к телефону – и уронил ее, а заодно и всего себя. И блаженно выключился.

«Boro Security» не занималась изучением чудес. Пусть уж как-нибудь пребудут сами по себе.

Глава 5

Москва

Леонид Соболев

– Андрей Борисович, что значит конвенция? – спросил Соболев, страшным усилием заставив себя поздороваться.

Забежать в собственный кабинет или скинуть пальто он заставить себя не сумел. Может, слишком боялся, что Егоров, как нормальный человек, будет наслаждаться вечером в кругу семьи, а не ждать взмыленного сотрудника в офисе.

Егоров ждал. Не исключено, что не Соболева именно ждал, а ваял недалекое и по возможности нестрашное будущее в рамках, обозначенных любимым начальством. Дождался всё равно Соболева.

Когда Егоров поднял лицо от монитора, глаза у него были как у оперного певца в разгар арии Жермона, но сразу стали как у больной собаки. Егоров моргнул, еще и еще, поднял руку, вытирая выступившую слезку, и невнятно уточнил:

– Вы кроссворд про Бендера разгадываете, что ли?

– Никак нет, – сказал Соболев, чувствуя, что начинает потеть.

Потоптался и принялся рассказывать. Примерно на середине рассказа он всё же снял пальто и положил его на спинку гостевого стула. Да и сам уселся, потому что Егоров показал, что начинает сердиться.

Показал он это как бы между прочим. А сам, казалось, углубился в выхаживание переутомленных глаз: тер их костяшками, промокал салфеткой и даже закапал веки из флакончика, прятавшегося в нижнем ящике. Соболев знал, что это как раз означает предельное внимание. А вот когда Егоров пялится тебе в глазное дно и лицо делает похожим на сетчатую чашу РЛС, это паршиво, ибо начальник ушел в собственную думку и на тебя время тратит из неведомых, но малосущественных соображений.

Соболев попытался описать чулманскую беготню покороче, но Егоров уточнил:

– Что с мужчиной Неушевым все-таки?

Соболев жмакнул губами, но решил, что быстрее будет не спорить, а ответить на вопрос так, чтобы больше к нему не возвращаться.

– Неушев в СИЗО, обвиняется в убийстве жены и любовницы. Вернее, любовница пока жива, но чисто символически – месяц в коме лежит, вряд ли выйдет уже. Виновным Неушев себя не признаёт. Все, кто его знает, от ситуации в шоке, но в виновности не сомневаются – мужик, говорят, горячий, да и доказательств куча. С женой были трения, не прилюдные, но слухи доходили. Вроде подружку молодую завел, а потом – обоих из карабина. У завода загородный дом есть, для приемов и так далее. Вот там всех и нашли. Женщины в коридоре повалку, ну, их в голову обеих. А Сабирзян Минеевич – в гостиной, без сознания и с карабином на коленях.

– Какой-какой Сабирзян? – переспросил Егоров, поднял брови навстречу ответу и вполголоса сказал: – Да... Бедный мужчина. А чего в отрубе-то? От переживаний?

– Возможно. А возможно, от полуграфина водки. Хотя, говорят, он не пил практически.

– Тут запьешь. Вину не признаёт, я понял, а что говорит?

– Ничего. В первый день, двадцать пятого, сказал, что никого не убивал, и замолчал. Так и молчит с тех пор.

– Двадцать пятое, первый день. Оригинально. А если он не убивал, то кто? Там еще был в доме кто-нибудь во время убийства, враги в масках? Или, может, я хэээ его, одна из баб так

тонко отомстила – другую грохнула и себе заряд в башку. Следаки что говорят, другие версии отработывались?

– А зачем? – сказал Соболев.

Егоров кивнул и то ли спросил, то ли констатировал:

– И завод без паузы, но с песнями переехал к ОМГ.

– Ну вот это и смущает. Тем более там схема очень интересная с отчуждением акций. Бумаги на жену были записаны, и, кстати, у следаков как версия идет, что дама могла включить хозяйку и мужа попытаться от управления отодвинуть – а он то ли психанул, то ли пытался стороннее убийство симитировать, а акции получить обратно как наследник жены. Что характерно, акции перед самым инцидентом были арестованы по иску налоговой и смежников, завод арест обжаловал, суды были уже после всей этой бойни, в итоге завод процесс слил.

– Слил, – повторил Егоров, снова уткнувшись в монитор. Соболев хотел извиниться за жаргон, но начальник поинтересовался: – Специально слил?

Соболев пожал плечами, спохватился и сказал вслух:

– Даже при желании мало что сделать удалось бы. У Неушева связи и в Москве, и там, у себя. Потому и держался так долго. Но убийцу поддерживать никому не интересно. Его слили, виноват, а дальше само пошло. В совете директоров без Неушева три клерка остались, я с одним говорил, он трясется как этот, зато на новеньком джипе рассекает. Пугнули и купили явно. Остальных, наверное, тоже. Короче, пока «Потребтехника» у ОМГ в доверительном управлении, или как уж это называется. Они уже весь менеджмент сменили, нового гендир поставили – ох серьезный мужчина, антикризис так и прет, убивец костов. Виноват. Он такой вечный зам, на куче важных предприятий вторым-третьим был, наконец до генерала дорвался. «Мой завод», говорит, важно так. Но взялся по полной. Производство всё перелопачивают, секретку восстанавливают, вся администрация и «соседи» на ушах, чуть вопрос задашь – открывают огонь на поражение. Я так понимаю, сейчас они сделают допэмиссию, доли Неушевых размоют, и вопрос закрыт. ОМГ полный хозяин, здравствуй, «Морриган».

– Так акции же арестованы?

Соболев махнул рукой, и Егоров, хоть и не смотрел, даже переспрашивать не стал. Спросил про другое:

– А мужчина Неушев пацифист, что ли, или пораженец? Как он умудрялся от оборонзаказа отпिनываться, если «Потребтехника» и впрямь головное предприятие по «Морригану»?

– Там немножко не так всё было. Если в двух словах: головным предприятием был ЧМЗ, Чулманский машиностроительный, а «Потребтехника» с боем отделилась от него лет пятнадцать назад. Неушев как раз ее создал из цехов, которые шлепали всякие проигрыватели и прочие, как уж это...

– Товары народного потребления. Интересно. Выделил и, я так понимаю, раскрутился. А большой завод куда делся?

– А большой завод сдох совсем, и его лет пять назад Неушев под крыло «Потребтехники» взял. Не добровольно – местные власти сильно попросили, из цикла «Нельзя отказаться». Ну, он взял ЧМЗ, помусолил, попробовал выбить госфинансирование по оборонной линии, потом с потенциальным противником что-то замутить – с евреями встречался, с амерами, с китайцами. Всё без толку. Он тогда плюнул, выкинул все остатки в мобмощности, а ЧМЗ влил в «Потребтехнику». И вот когда эту процедуру завершил – довольно быстро и круто, говорят, завершил, невзирая на вопли, угрозы и затраты, – появилась ОМГ с идеей «А давай ты нам отдашь завод обратно».

– Теперь более-менее понятно и, в общем, логично. А интерес нашего контакта к мужчине Неушеву откуда растет, не разобрались?

– Никак нет, – помолчав, сказал Соболев. – Родственников нет. Две дочки остались. Старшая – разведенка с ребенком, с мужчинами, говорят, у ней нескладно всю жизнь, ну и с папа-

шей в том числе. Другая – студентка, без жениха даже. У Неушева два брата были и сестра, померли давно, он младший. Один брат под Питером жил, второй в Оренбурге, сестра в Узбекистане где-то, и связей вроде особых не было. Неушев мужик-то крутой – во всех смыслах, даже родня сторонилась.

– Дети от первого брака, – предположил Егоров.

– Это первый и был. Они под сорок лет вместе жили.

– Ох ты как. Ладно, а внебрачные?

– Андрей Борисович, так это как узнать? Может, конечно. Но, говорят, он до последнего времени жену любил.

– До смерти практически, – сказал Егоров. – В Узбекистане, значит.

– Ну, там может быть, да. Или племянники там всякие, кузены. Ох. Там сейчас найти чего... Ну ладно, у старика Матвеева доступ во все архивы, в том числе конторы, так что мы попробуем, – мужественно пообещал Соболев.

– Сделайте милость. И зря вы на себя одного... хм, двоих всё замкнули, я же говорил – подключите Цехмайстренко или Балыгина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.